

Михаил Костин
Алексей Гравицкий

Живое и мертвое

УЧЕНИК МАГА

Михаил Костин
Алексей Андреевич Гравицкий
Ученик мага
Серия «Живое и мертвое», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4243485
Ученик мага: Снежный Ком М; Москва; 2012
ISBN 978-5-904919-47-4

Аннотация

В отличие от своих северных соседей Объединенные Территории Консорциума пошли по пути развития науки и практически полностью отказались от магии. Большая часть обрядов здесь под запретом. Прочая мелкая бытовая магия осуществляется лишь по лицензии. Нарушившие запрет маги попадают под суд и ссылаются на острова. Но далеко не все смирились с таким положением вещей. В ОТК зреет заговор.

Ученик мага Пантор бежит на Север, спасаясь от закона. Его преследует пристав магического надзора. Молодого мага должны осудить за преступление, которого он не совершал.

Неожиданно для себя и беглец и преследователь оказываются вовлечены в грядущий переворот. Сами того не понимая, становятся едва ли не ключевыми фигурами заговора.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	6
1	6
2	10
3	13
4	17
5	21
6	25
7	27
8	29
9	31
10	34
11	36
12	39
13	41
14	43
15	46
16	49
17	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Михаил Костин, Алексей Гравицкий

Ученик мага

Пролог

*Я бежал в простор лугов
Из-под мертвенного свода,
Где зловецкий ход часов —
Круг, замкнутый без исхода.*

Николай Клюев

Лес был первозданно дик. Высоченные сосны устремлялись янтарными стволами в лазурное небо. А внизу сухие хвоинки путались в мохнатом мху. Тот лежал здесь, словно ворсистый ковер. Укутывал землю, облеплял выбеленные солнцем камни.

Между камней юркой лентой бежал ручей. Звонкий, шустрый, холодный. В одном месте он зачем-то делал изрядную петлю, огибая небольшой полуостровок. Посреди этого куска земли торчали толстые, в три обхвата, столбы с резными ликами. Вытесанные из дерева нечеловеческие лица смотрели по сторонам грозно и неприязненно. Словно старицы, осуждающее молодежь за само ее существование.

Среди идолов прямо на земле сидела молодая женщина седая, как лунь, с глубокими синими глазами, что смотрели, казалось, внутрь.

Мужчина в изумрудном балахоне остановился перед идолами и сидящей меж них женщиной и низко поклонился.

– Дозволь говорить, Великая Мать.

Женщина не пошевелилась. Лишь взгляд ее вынырнул из неведомых глубин, ведомых только ей.

– Подойди, – голос Великой Матери оказался бархатным, мягким, как облепивший камни мох.

Мужчина поспешно шагнул ближе. Замер на почтительном расстоянии и снова чуть склонил голову, словно боялся поглядеть седой богине в глаза.

– Говори, – мягко, но властно разрешила женщина.

– По последним сообщениям, еретики, променявшие владык стихий на духа из машины, набирают силы, Великая Мать. Если их не остановить, то уже совсем скоро они возьмут под свою руку весь рубеж. Вера в духа из машины крепка на рубежных землях и продолжает набирать силу. Дары стихий под запретом. К стихиям смеют звать лишь избранные. Те, кто делает это своевольно, подвергается гонениям. Юг рубежных земель уже поддался этому помешательству. И зараза постепенно ползет на север.

– Мне это известно.

Мужчина замолчал, хотел было поднять глаза на седую богиню, но не осмелился.

– Продолжай, – поторопила Великая Мать.

Мужчина распахнул полы балахона и вытащил тубу на кожаном ремешке. Крышка на тубе сидела плотно, но снялась легко. Пальцы ловко подцепили скрученные в рулон бумаги, извлекли их на свет, развернули. Мужчина пошелестел листами и принялся передавать их один за другим Великой Матери.

– Последний указ о запретах на магию. Это о распространении запретов по всей территории ОТК. Это о продвижении идей в северные земли... Вот еще.

Женщина с интересом просмотрела документы. На лице ее мелькнула тень удивления.

- Они это сами придумали? Или?
- У нас нет доказательств ни того, ни обратного, Великая Мать.
- Но у тебя должно быть собственное мнение.

Часть первая Беглец

1

Пантор стоял, нарочито небрежно закинув за плечо холщовый сверток, и таращился на листовку. С обшарпанной бумаги, кое-как прилепленной на стену, смотрело странное женское лицо. Под грубо выполненным портретом значилось имя «Ионея Лазурная», сопровождаемое уточняющим описанием, из которого следовало, что женщина красива, хитра и коварна.

Оценить коварство врага государства по портрету Пантор не взялся бы, а вот красивой ту, что намалевана на картинке, назвать было нельзя даже с очень большой натяжкой. Вообще молодой человек давно отметил для себя, что по картинкам, которые развешивают по столице, найти и опознать преступника практически невозможно. Сходство у портретов с оригиналом обычно было такое же, как у стула с табуреткой. Конечно, у обоих по четыре ножки и на то и другое можно сесть, но на этом, собственно, сходство и заканчивается.

– Они это специально делают, – проскрипел из-за плеча старческий голос.

Пантор внутренне сжался и обернулся. Рядом стоял сухонький старичок с постояннодвигающейся нижней челюстью, будто жевал что-то.

– Рисуют так, чтоб непонятно было, – словно бы прочитав его мысли, поведал старикашка.

– Зачем? – не понял Пантор.

– Знамо дело зачем. Чтоб вознаграждение не платить.

И старикашка хитро кивнул на весьма ощутимую цифру, обещанную в качестве вознаграждения тому, кто схватит изменницу и сдаст властям.

Юноша оценивающе поглядел на старика. Или провокатор, или в маразме. Кто ж иначе начнет на улице среди бела дня выдавать столь нелепые обвинения в адрес всенародно избранной власти. Это ж все равно, что против воли народа восстать и основ демократии. А кто против народной воли, на того патрули есть.

– Я думаю, вы ошибаетесь, – вежливо отозвался Пантор и поспешил отойти.

– А я думаю, что ты врешь, маленький засранец, – завопил вдруг старик на всю улицу.

Юноша поспешно перебежал на другую сторону улицы и зашагал прочь.

– В этом городе все завралось! – надрывался за спиной старик. – Все врут себе и друг другу. И радуются той враке, которую себе придумали. Позор на мои седины! Я пережил свой город. Веролла умерла раньше, чем старый Кади склеил ласты!

Старик все надрывался, но Пантор, уже не слушая, завернул за угол. И какого демона его потянуло торчать возле этой несчастной листовки с Ионеей-преступницей? Правда, в тот момент, когда он шел мимо, казалось естественным для добропорядочного гражданина остановиться и уделить внимание важной информации. Не задержись он возле листовки, это выглядело бы подозрительно. А выглядеть подозрительно он не мог себе позволить. Ведь если его задержат с содержимым свертка...

Пантор поежился. И зачем он только заглянул внутрь? Не знал бы, что в свертке, чувствовал бы себя теперь спокойнее.

«Нет, не чувствовал бы», – отогнал он мысль. И это была правда, потому что о содержимом холщовой тряпицы он догадывался. Как догадывался и о том, чем занимается его учитель.

Стараясь выглядеть естественно, Пантор свернул на широкую улицу и направился к центру города. Движение здесь было оживленным. По тротуарам сновали толпы горожан и приезжих, а мостовая грохотала под колесами повозок и автомобилей.

В отличие от основной части города, что расползлась вокруг зеленым садов, пестрела крышами невысоких, изящных особняков, обнесенных высоченными ажурными оградами, а на окраине кучилась одинаковыми неприглядными доходными домами, центр Вероллы устремлялся к небу высотными постройками. Среди изящных зданий немыслимой высоты выделялось здание Консорциума. И хотя власти если не боролись с магией и магами, то притесняли их, создать такое архитектурное сооружение без помощи магов, кажется, было невозможно.

Еще мальчишкой Пантор с друзьями бегал в центр глазеть на «высотки», как окрестила их ребятня. И посмотреть было на что. Один только шпиль Консорциума, сверкающий на солнце и словно готовый продырявить небо, выглядел на редкость впечатляюще. Так что вовсе не мудрено, что центр Вероллы привлекал не только тех, кто попадал сюда по делам служебным, но и кучу зевак со всех концов Объединенных Территорий Консорциума.

По служебной надобности и личным делам сюда также тянулись вереницы ходяков: ведь помимо здания Консорциума, в недрах которого обосновались основные властные структуры, в центре располагалось все, что давало Веролле, да и всем Объединенным Территориям жизнь. Здесь находились суд и управление патрульной службы, центральная клиника и конторы прочих служб. Здания всех этих учреждений были не столь величавы, как здание Консорциума, но любое из них заставляло всякого смотрящего заирать голову и невольно разевать рот от восторга.

Здесь же располагались несколько огромных торговых центров. Торговать под открытым небом в столице, сколько помнил себя Пантор, не разрешалось. Разве что свежей прессы. Словно подтверждая эту мысль, мимо промчался мальчишка с сумкой через плечо, размахивающий газетой.

– «Огни Вероллы»! Покупайте «Огни Вероллы»! Свежие новости! Ионея Лазурная в розыске! Вступили в силу новые указы кодекса! Скандально известный Санчес О'Гира начинает новое журналистское расследование!

Мальчишка кинулся Пантору под ноги, чуть не сбив.

– Купите газету! – потребовал юнец вместо извинений.

Новые указы Пантора интересовали не слишком, скандальный сочинитель газетных «уток» и того меньше, потому он лишь молча помотал головой и пошел своей дорогой.

Мальчишка скорчил в спину несостоявшегося покупателя рожу, но тут же о нем и забыл, устремившись дальше по улице и рекламируя актуальность свежей прессы.

Толпа вокруг все густела, и Пантор решил все же обойти самое сердце города. Ни к чему туда соваться с его ношей. И без того страшно нарваться на патруль. И пусть возле Консорциума народу больше и шанс попасться на глаза патрульным меньше, но и патрули там злующие. Уж если обратят на тебя внимание, так с живого не слезут. И даже если ты новорожденный, все одно придумают, в чем ты провинился перед законом, правительством и народом.

Мимо протарахтел старый, разваливающийся мобиль. Грохоту от него было, пожалуй, больше, чем от упряжки в четыре лошади. Такую колымагу и в ремонт-то тащить стыдно. Почему власти не запретят использовать старые мобили? Пантор подумал, что он подписался бы в пользу такого указа.

Впереди замаячил темно-синий полицейский китель с серебристыми погонами. Сердце екнуло. Захотелось бросить холщовый сверток и прыснуть наутек от греха подальше. Пантор взял себя в руки, подавил страх и, чинно прошагав мимо, свернул за угол. Главное – без паники. Он выглядит добропорядочным гражданином. Он добропорядочный гражда-

нин, который идет по своим делам. И ничего плохого никому не сделал. А сверток... Что сверток? Он просто выполнял поручение лорда Мессера. Взял сверточек, где было велено, и понес учителю. Он и не знает, что внутри. Не должен знать. Просто выполняет просьбу. И, чтобы ее выполнить и не накликать беду на себя, а главное – на учителя, надо просто забыть о том, что внутри свертка. Просто забыть.

Вновь попавшееся на глаза здание отвлекло от беспокойных мыслей и переживаний. В душе всколыхнулись воспоминания. Академия. В этом здании он проучился шесть лет на кафедре бытовой магии.

Пантор улыбнулся. Опасное это направление, но так уж сложилось, что способности у него были выше среднего и интерес к магии родился, кажется, раньше него самого. Кафедра бытовой магии давала не столь серьезные знания и навыки, но поступить он смог только на бытовой факультет. Так сложилось.

Поступали они вместе с Винсом. Винсент магией не интересовался, но пошел за компанию и даже поступил. Впрочем, интерес к предмету обучения у него так и не проявился, зато во втором семестре он сильно заинтересовался молодой преподавательницей. Интерес оказался достаточно активным и не остался без взаимности. Потому на второй курс Винс не перешел. Вылетел из Академии. А вместе с ним осталась без работы и преподавательница. В свете этого их интерес друг к другу сильно поостыл и вскоре сошел на нет.

Винсента с тех пор Пантор видел считанные разы. Сам же он Академию закончил вполне успешно, и пути перед ним было ровно три. Либо применять полученные знания на благо Объединенных Территорий, либо пойти в науку и заняться преподаванием. Но юный маг остановился на третьем варианте – рискнул предложить свою кандидатуру в ученики мага с лицензией. Только таким путем Пантор мог развить свои способности, получить новые знания, а в конечном итоге и собственную лицензию, стать магом с разрешением на неограниченную деятельность.

Ему повезло. Его выбрал лорд Мессер. Немолодой и весьма уважаемый маг. Отчего лорд выбрал именно его, Пантор старался не задумываться. Он просто был благодарен судьбе и Мессеру. Потому ради учителя он готов на все. Даже тащить через город треклятый сверток, содержимое которого могло подвести под монастырь и ученика, и наставника.

Наконец центр со своими невероятными «высотками» остался за спиной. Вокруг потянулись сады, парки, ограды особняков. Впереди замаячил дом лорда Мессера, и Пантор с облегчением вздохнул.

– Документы! – вдруг гаркнул хриплый голос за спиной.

Он замер. Полиция! Холодок пробежал по спине, забрался в желудок и сжался там комком страха. Невесомый холщовый сверток мгновенно стал тяжелым, словно его содержимое отливали из чугуна.

Сейчас они досмотрят его, заглянут в сверток, а там... И никакие оправдания не помогут, сразу станет ясно, что он и его учитель занимаются запрещенной магией. А это ссылка. В лучшем случае. А в худшем...

– Документы, – снова рыкнул голос и закашлялся.

Ноги вдруг стали ватными, колени ослабели. Стараясь сохранить достоинство, Пантор медленно обернулся. Перед ним стоял полицейский в темно-синем мундире, правда, не такой грозный, как показалось сначала. И совсем не внушительных размеров.

«А голос-то звучал куда серьезнее и солиднее, – метнулась мысль. – Или это с перепугу так показалось?»

Рядом с полицейским топтался невысокий крепыш в штатском и с любопытством рассматривал испуганного Пантора.

– Ты что, глухой? – раздраженно спросил полицейский.

Пантор судорожно сглотнул. Достал из кармана удостоверение, заверенное шестиугольной печатью Консорциума, и протянул документ блюстителю порядка.

– Чего руки-то дрожат? – полицейский небрежно взял бумаги.

– П-похмелье, – выдавил Пантор первое, что пришло в голову.

Блюститель порядка добродушно рассмеялся и передал удостоверение человеку в штатском.

– Гражданин Пантор, – сквозь зубы процедил крепыш, – род вашей деятельности?

Пантор вздрогнул и опустил глаза.

– Я маг... Ученик мага. Лорда Мессера.

Крепыш пристально посмотрел на Пантора. Потом в удостоверение. Затем сложил документ, поднял руку с бумагой, словно намереваясь возвратить ее хозяину, но так и не протянул удостоверение. Задержал руку.

– Как же, знаю господина Мессера, – вполголоса произнес он, – забавный такой старик.

Мелкие глазки крепыша яростно буравили ученика мага. Пантор набрался храбрости и протянул ладонь, требуя назад документы. Это было наглостью, и если бы наглость не сработала...

Крепыш фыркнул и сунул удостоверение Пантору. Не веря своему счастью, ученик мага поспешно вцепился в документ.

– Всего хорошего, – процедил сквозь зубы человек в штатском голосом, ничего хорошего не предвещающим.

Затем молча развернулся и пошел прочь. Полицейский тут же потерял к Пантору всякий интерес и послушно засеменил за штатским. Кто в этой компании главный, можно было понять с первого взгляда.

Патруль удалялся, но отчего-то это не принесло облегчения. Пантор стоял, не в силах двинуться с места, смотрел в удаляющиеся спины и молился про себя высшим силам, вознося самые искренние благодарности за то, что ни синий мундир, ни штатский костюм не полезли в сверток.

Кое-как заставляя ноги шевелиться, ученик мага поплелся к дому учителя.

2

– Вот то, что вы просили принести, лорд Мессер.

Пантор оставил на столе злосчастный сверток и поспешил отойти в сторону. Касаться того, что было завернуто в кусок холщовой ткани, юному помощнику явно не хотелось.

Мессер отвлекся от старинной массивной книги и поглядел на сверток. Пантор переступил с ноги на ногу и отвел глаза, словно боялся увидеть, как под взглядом мага содержимое тряпицы поползет в сторону или прыгнет на пол, а то и вовсе на него самого. Но сверток не шелохнулся.

Мессер поднялся из-за стола. Стоя он не выглядел таким ссутулившимся, совсем даже наоборот, он был утончен и статен. Удивительно прямая для человека, долгие часы проводящего за книгами, спина держалась гордо. На расправленные плечи ниспадали длинные, ухоженные, с проседью волосы.

– Внутрь заглядывал? – лукаво поинтересовался маг.

– Нет, – Пантор старался придать голосу уверенность. Вышло неважно.

– Врешь ведь, – усмехнулся Мессер.

Тонкие пальцы отдернули холщовую тряпицу. Из свертка смотрел пустыми глазницами череп. Пантор забормотал себе что-то под нос, украдкой делая оберегающие знаки. Мессер на ученика не обратил ровно никакого внимания. Он довольно крякнул и огладил бороду. Груда костей под черепом сложилась перед внутренним взглядом в скелет. Вроде бы полноценный, но...

– Тут все? – небрежно спросил маг.

– Да, лорд Мессер, все, что передали.

– Спасибо, Пантор, – поблагодарил маг.

Тонкие пальцы накинули обратно тряпку. Холстина скрыла выбеленные не то временем и природой, не то химией и человеческими руками кости.

– На сегодня, друг мой, ты свободен.

Пантор вежливо кивнул и направился к выходу. Мессер вышел из-за стола и направился следом. Стоило проводить ученика и запереть дверь от греха подальше. Но в дверях Пантор вдруг резко обернулся и застыл, глядя в глаза учителю.

– Лорд Мессер, может, не надо?

– Ты о чем? – удивился Мессер, хотя прекрасно все понял.

И Пантор понял. Давно. Но не сдал властям учителя, хотя и мог. Мог, но не сдал. Именно поэтому Пантор был его единственным учеником, а не кто-нибудь другой. Хотя других, жаждущих занять свято место, было не мало.

– Не надо, лорд Мессер, – повторил ученик. – Это ведь запрещено.

– Занимайтесь своим делом, молодой человек, – ледяным тоном произнес Мессер, но мягкий и бархатный голос должной хладности ученику не явил.

– Лорд... – начал было ученик, но, получив от учителя испепеляющий взгляд, потупился и поспешил ретироваться.

Мессер запер двери, проследил в окно, как уходит ученик, и поспешил вернуться к столу.

Ученик, хоть и зелен еще одергивать Мессера, в одном был прав. Человеческая магия, некромантия и прочее, касающееся жизни и смерти, было категорически запрещено к применению. Всплески подобной магии отслеживались и карались. Опальных магов, пойманных на подобных экспериментах, ссылали на острова. Вот только Мессер не мальчишка какой-

нибудь. Не родился еще тот маг, который смог бы его отследить, если бы не настраивался именно на него заранее.

А так как Мессер был законопослушен, то и следить именно за ним никто бы не стал. Зачем? У магов Консорциума и без того полно работы.

Маг вернулся в кабинет. Здесь пахло старыми книгами, теплой пылью, травами и химикатами. Вместе запахи складывались в такой причудливый букет, что разложить его на составные части сторонний человек вряд ли сподобился бы.

Маг опустился на колени перед столом и отдернул в сторону огромную медвежью шкуру. Под шкурой, прямо на полу, таился загодя приготовленный магический круг. Почти законченный. Не хватало всего нескольких штрихов и заклинания. Но всему свое время.

Мессер поднялся на ноги и вернулся к столу. Тряпицу с костями взял бережно, словно ребенка. Так же нежно и осторожно, плавными движениями перенес в центр круга и уложил на заготовленное место. Груда костей так грудой и осталась. Мессер не видел надобности собирать из деталей нечто целое согласно учебнику анатомии.

Вслед за костями он сам устроился внутри круга. Достал из кармана угольный стержень и принялся завершать рисунок. Теперь главное не ошибиться, а ошибиться он не мог. Все инструкции были не просто прочитаны и перечитаны много раз, а вызубрены на зубок. А если ошибки быть не может, то через час он будет знать, насколько действительно это некро-мантическое заклинание. И если старый фолиант не врет, то вслед за этим несчастным Мессер сможет контролировать смерть. Побороть саму смерть, разве это не достойно настоящего мага? А когда он явится перед Консорциумом с успешным результатом, никто не посмеет его осудить за какие-то нарушения. Победителей не судят.

Штришок, еще один штришок. Угольный стержень забегал по кругу, заканчивая рисунок. Линии замкнулись. Теперь другого выхода из круга, кроме как довести ритуал до конца, у Мессера не было. Маг глубоко вздохнул, расправил плечи и прикрыл глаза. Звук зародился внутри и, сохраняя свою утробность, пошел наружу. Странные вибрации голоса. Если ты на них не способен, ты никогда не сможешь стать магом. Но если у тебя замечены подобные способности, даже если ты никогда не станешь магом, то всю жизнь проживешь под пристальным наблюдением Консорциума. Ведь ты потенциально опасен.

Мессер прошел это на собственном опыте. Магом он быть не хотел, но понял, что придется им стать. К прошедшим обучение и доказавшим свою законопослушность не столь пристальное внимание, как к неучтенным потенциальным самоучкам. В университете им не один год вправляли мозги. А у тех, кто специально не учился профессиональной этике, отсутствует понимание того, что позволено, а что – нет. Зато способностей иногда вдоволь.

Резонирующий звук вырвался наружу. Узор на полу начал светиться, словно рисовали его не углем, а фосфоресцентной краской. Воздух в комнате сгустился и дрожал. Пол вибрировал, дребезжали кости в центре круга.

У него должно получиться. Не может не получиться...

Витиеватое заклинание сорвалось с губ. Слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

Произнесенное слово и в самом деле обладало страшной силой. Оно не просто вылетело, оно взорвалось. Вспыхнуло внутри черепа, раздирая мозг несчастного колдуна на клеточки. В ушах стоял гул, перед глазами вспыхнул яркий свет и замельтешили черные слепые пятна. В мгновение он ослеп и оглох. Только почувствовал металлический привкус на языке... Кровь... А потом все перемешалось, и Мессер потерял сознание.

Он лежал на полу. Циклеванную поверхность дорогого паркета из восемнадцати сортов дерева пора было циклевать заново. Во всяком случае там, где остались нечеткие следы от магического рисунка. Мессер прислушался к ощущениям. Ощущения были странными.

Будто его вынули из тела и засунули куда-то. Он поднял голову. Хрустнуло. Не иначе шея затекла. Огляделся. Рядом ничком лежал человек с длинными волосами.

Маг замер. Получилось! Неужели получилось!!!

Он хотел подняться, уперся рукой в пол и окаменел, увидев собственную кисть. Перед глазами была голая, выбеленная ветром и временем кость. Ни мяса, ни сухожилий, ни кожи. Рука его выглядела так, словно бы его хранили в шкафу мединститута и иногда выволакивали оттуда, показывая студентам строение человеческого скелета.

Это бред. Это просто... просто особенности зрения после обряда... он видит глубже... а может, это морок...

Мессер с трудом поднялся и, сделав пару шагов, склонился над человеком. Это просто...

Это просто отговорки. Хватая тело за плечо и переворачивая его на спину, лорд Мессер уже знал, что увидит там свое лицо. Некромантическое заклинание имело силу. Оно сработало. Но как! Мессер вздрогнул и отпрянул. Тело шлепнулось на пол. Маг с жутким завыванием отполз в сторону. Его можно было понять. Не каждому человеку удастся заглянуть себе в глаза. И уж точно мало кому удавалось посмотреть в свои мертвые глаза...

3

Ученик мага сидел на лавочке посреди городского парка и смотрел на шпиль здания Консорциума. Шпиль можно разглядеть и с дальних окраин Вероллы, а уж на таком незначительном расстоянии он был виден отовсюду, как и само здание из белого мрамора, украшенное величественными колоннами.

Пантора всегда подавляло это зрелище. Рядом с грандиозным строением ученик терялся, понимая свою ничтожность и никчемность, но, вместе с тем, где-то глубоко внутри у него вспыхивала гордость за свою родину, появлялось желание внести лепту в развитие мощи Объединенных Территорий. Такие мысли, как правило, длились недолго. Стоило только отойти подальше, как патриотическое настроение пропадало. У Пантора даже как-то мелькнула мысль, что причиной такого наваждения могла быть магия. Но непатриотичные мысли лучше было гнать от себя подальше. Народом избранная власть жестко следила за тем, чтобы преступления против воли народа не совершались даже в мыслях.

А лорд Мессер, кажется, собирался преступить закон не в мыслях, а на деле. Содержимое свертка, что Пантор приволок учителю, могло служить только для некромантического ритуала либо для лекций по анатомии. Вот только анатомию Мессер не преподавал, а к некромантии был близок. Пантор знал это наверняка.

Засиживаясь в библиотеке учителя, он читал не только и не столько то, на что указывал Мессер. Увлекаясь, ученик мага мог идти от книги к книге, от стеллажа к стеллажу. Это была извечная его беда. С детства он не мог сосредоточиться на чем-то одном. Как только приходила сосредоточенность и появлялись первые результаты, обязательно возникало что-то более интересное, что притягивало внимание и отвлекало от уже достигнутого. Наверное, именно поэтому он не смог поступить на факультет более серьезный, чем факультет бытовой магии. Усидчивости не хватило.

И в библиотеке Мессера ему не хватало усидчивости. Так, переходя от книги к книге, он и забредал в такие глубины библиотеки своего наставника, о которых не знал, наверное, никто. В тех глубинах хранились старинные фолианты, за одно прикосновение к которым можно было угодить в ссылку на острова. Ведь и боевая магия, и человеческая, а уж тем более некромантия были под строжайшим запретом.

Народом избранная власть знала, что ему нужно и что – нет. Народу Объединенных Территорий были нужны простые блага, комфорт и удобства, которые давали наука и техника. А магия народу не нужна, как и все прочее неконтролируемое и непредсказуемое. Власти говорили, что народ хочет покоя. А уж власти-то знали это наверняка.

Пантор умом понимал, что большая часть народа и в самом деле жаждет умиротворенного, предсказуемого существования без катаклизмов. Чтобы, если что-то неординарное, неожиданное и происходило в этой спокойной и уверенной жизни, то разве что выигрыш в лотерею или прибавка к пенсии. Но сам ученик мага хотел совсем другого. В уверенности сегодняшнего дня и предсказуемости завтрашнего ему было скучно. Именно поэтому он не пошел в науку, не занял место в системе бытовой магии, а пошел в ученики к одному из одиночек, которых власти нехотя лицензировали, терпели, но недолюбливали и при первой возможности старались удалить с Объединенных Территорий. Лорд Мессер был таким неудобным. И сейчас он мог еще стать и преступником.

Избавившись от свертка и выйдя от учителя, Пантор снимал с себя всякую ответственность. Сейчас его могли наказать разве что за связь с некромантом. Но он мог легко сказать, что всего лишь ученик. И ни о чем таком не догадывался. А что связался не с тем магом, так со всяким случаются ошибки. Ведь это власти дали лицензию некроманту... Впрочем,

последнее лучше было не говорить. Да и зачем? Наказание Пантору если и светило, то чисто номинальное, вроде штрафа или выговора.

Зато учителю наказание грозило посерьезнее. Если его застанут за некромантическим обрядом, то лицензию отнимут сразу, а самого сошлют на острова, ну а если при этом еще кто-то пострадает, то приговор будет куда хуже, возможно, даже и смерть.

Пантор попытался отвлечься от мрачных мыслей. Самое умное сейчас было пойти домой и лечь спать, а утром, как обычно, явиться к лорду Мессеру, сделав вид, что ничего не произошло. Если, конечно, Мессера не арестуют прямо сегодня. Ведь за выплеском магической энергии следят, а некромантический ритуал, для которого понадобился полный набор человеческих костей, вряд ли пройдет незамеченным. Лорд Мессер, конечно, знатный маг, но в отделе контроля за магическими ритуалами сидят тоже не выпускники факультета бытовой магии. Там все серьезно.

И что? Идти домой? Или вернуться к Мессеру, попытаться остановить его? Пантор так и не мог решиться, потому просто продолжал ерзать, полируя задом скамейку.

Беспокойные мысли снова начали ворочаться в голове, и, чтобы перебить их, ученик выудил из кармана купленную невесть за чем газетенку «Огни Вероллы». На первой странице бросалась в глаза заметка об Ионее, называющей себя Ионей Лазурная. На Пантора смотрел знакомый, хоть и уменьшенный, некрасивый портрет красивой женщины.

Не желая задерживаться на теме преступления, он развернул газету. «Новое расследование от скандально известного журналиста» – встретил молодого человека бодрый заголовок. Пантор принялся читать и вскоре узнал, что популярный борзописец Санчес О'Гира и вправду затевает новое журналистское расследование, которое покажет все тонкости работы магического надзора, начиная от службы приставов и заканчивая судьями. Из бесполезной по сути статьи следовало, что любимый публикой Санчес уже роет землю и материалы, которые он начнет выдавать на суд читателей в ближайшее время, как всегда, станут бомбой.

Пантор сердито отшвырнул газету и поднялся со скамейки. Решение было принято. Пусть лорд Мессер отчитает его как мальчишку, но он сделает все, чтобы не дать учителю совершить непоправимое.

В доме старого мага было тихо. Поднимаясь по лестнице, Пантор, как всегда, громко топал. Он не хотел появляться перед учителем неожиданно и пытался таким образом дать понять, что скоро постучит в дверь мастерской. Впрочем, все это было совершенно бессмысленным спектаклем. Мессер чувствовал приближение ученика прежде, чем тот открывал дверь его дома. И ученик об этом знал.

Он подошел к двери мастерской, затаил дыхание и прислушался.

Тишина. В груди тревожно екнуло. Пытаясь убедить себя в том, что это ничего не значит, что учитель умеет оградить себя во время опытов от чрезмерно любопытных глаз и ушей, Пантор потянул за ручку. И тут же вздрогнул.

Дверь в мастерскую была не заперта, даже не закрыта. Так, притворена и только. Из щели потянуло странной смесью резких запахов, среди которых четко угадывался запах гари.

– Лорд Мессер? – позвал Пантор. Голос предательски дрогнул, дал петуха.

Борясь одновременно с нерешительностью и боязнью самого паршивого, юный маг заглянул в щель, затем робко постучал. Ответа не было. Пантор переступил с ноги на ногу.

«Хватит топтаться под дверью, – приказал он себе мысленно. – Раз пришел, так входи». И, решившись наконец, толкнул дверь и вошел в комнату.

Мастерская оказалась пуста. Не было ни лорда Мессера, ни костей, принесенных учеником в холщовом мешке, зато вокруг царил чудовищный кавардак. Пантор огляделся. Тяжелый дубовый стол был задвинут в угол комнаты и странно повернут, подпирая дверцу шкафа.

Старинные магические фолианты беспорядочно валялись на полу. Медвежья шкура, что обычно мохнатым ковром покрывала середину комнаты, скукожилась, шерсть местами прогорела. Пантор сделал шаг, другой. Зацепился носком сапога за массивную книгу в деревянной, обтянутой кожей обложке.

О содержимом этой книги ученик мага мог только догадываться. Заглядывать внутрь ему не доводилось, так как с этим томом Мессер не расставался никогда.

Пантор опустился на колени, разглядывая вместилище магических заклинаний. Книга выглядела такой древней, что от одного вида обложки веяло тайной. Он тронул удивительно крепкий для такой древности переплет. Раскрыл обложку. Приятно зашуршали страницы, заворачивая вязью древних заклинаний.

Да, определенно одна эта книга тянула на пожизненную ссылку. Не вдаваясь глубоко в суть, повинувшись привычному любопытству, что заставляло перелистывать и глядеть, что там дальше, Пантор принялся шуршать страницами. Он так и сидел на полу, забыв обо всем и потеряв чувство времени, пока ближе к середине книги не мелькнул рисунок, заставивший его замереть и вернуться к реальности.

В первую минуту он не понял даже, отчего этот магический узор так привлек внимание. Затем взгляд метнулся в центр комнаты, туда, где обычно покоилась изуродованная теперь медвежья шкура. Полированная поверхность дорогого паркета потемнела от разводов. Словно над ней поводили факелом и редкое дерево не загорелось, но почернело от близкого огня. Разводы были витиеваты и затейливы. И достаточно лишь немного знать о магии, чтобы, держа в руках старинную книгу с магическим рисунком, угадать параллели между ним и разводами на полу.

На паркете совершенно точно остались нечеткие следы от магического рисунка, в стороне сиротливо лежал угольный стерженек. Значит, обряд Мессер провел. Это подтверждали и брошенная книга, и обгоревший рисунок. Знать бы, что получилось у мага.

Пантор пробежал глазами по тексту рядом с рисунком. Вчитываться и понимать структуру магических начертаний не понадобилось. От одного заголовка ученика мага уже бросило в жар, а следом он почувствовал бегущий по вспотевшей спине холодок. Лорд Мессер пытался воскресить мертвого. Получилось у него это или нет, неважно. Важно то, что об этом уже наверняка известно отделу контроля и сейчас сюда направляются приставы.

Не выпуская из рук книги, юный маг вскочил на ноги.

– Учитель! – на этот раз он позвал в полный голос. Ужаснувшись своему крику, разнесшемуся по разгромленной комнате, Пантор подпрыгнул и заметался.

«Что делать?» – стучало в голове. Найти Мессера. Если у него получилось, он ведь пойдет осчастливливать своим открытием власти. А этого нельзя. Потому что вне зависимости от результата это преступление и...

Пантор выглянул в окно. Мобиль учителя стоял на месте. Значит, не уехал. Значит, ушел пешком. Но почему бросил книгу? И куда ушел? Нужна подсказка. Хоть что-то, что наметнуло бы, где его искать.

Юноша снова закружил по комнате, но теперь с более-менее осмысленной целью.

На полках – ничего, только выдернутые и брошенные на пол книги.

Книги на полу...

Шкура...

Опаленный магический узор...

Стол. На столе остались только пачка чистой бумаги, опрокинутая чернильница и несколько перьев, остальное валялось на полу без всякого порядка.

Шкаф.

Пантор уперся в столешницу, поднажал. Дубовая махина стола со скрипом поползла в сторону, оставляя новые царапины на многострадальном паркете. Когда расстояние между

столом и шкафом расширилось до трех шагов, ученик мага дернул дверцу и тут же отпрянул, не успев понять еще, что произошло. Грохнуло. С таким звуком падает на пол мешок с картошкой. Или... человеческое тело.

Пантор закусил губу. Перед ним на полу, раскинув руки, лежал лорд Мессер. Длинные седые волосы разметались по паркету. Глаза казались двумя кусочками замерзшей слюды. Стекланный взгляд таранился в потолок. Видеть мертвых юноше доводилось, и сейчас он с уверенностью мог сказать, что жизни в учителе осталось не больше, чем в заспиртованных ящерицах, которых в избытке было на кафедре биологии.

4

«Бежать! – металось в голове паническое. – Бежать как можно быстрее. Вот только куда? Да все равно. Неважно куда, важно – откуда».

Пантор не понимал, что произошло. Вообще соображал сейчас плохо. Но последняя здравая мысль крепко вцепилась в мозг, она-то и подгоняла. Здесь, в доме Мессера, нельзя было оставаться ни минуты. Потому что сюда придут, не могут не прийти, ведь ритуал, судя по обгорелому рисунку на паркете, был завершен. Значит, мага засекли. Значит, приедут. И что найдут?

Его, Пантора, выпускника факультета бытовой магии, с книгой по некромантии и трупом учителя на руках. И что подумают? Да никто даже думать не станет. И так ведь ясно – виновен. Но кто убил Мессера? И что здесь произошло? И книга эта еще, будь она неладна...

Мысли окончательно спутались. Пантор выругался настолько нецензурно, как не позволял себе никогда в жизни, и завернул за угол.

Мобиль лорда Мессера стоял внизу за домом, прямо под окнами мастерской. Модель, конечно, не самая новая, но вполне приличная, на такой не стыдно и по центральным улицам проехать. Но самое главное, что скорость мобилей развивал хорошую, а это сейчас было важнее всего. Ключ, отпирающий мобиль, и другой, требующийся для запуска, Пантор схватил из дома учителя. Мертвому-то ни ключи, ни мобиль все равно не нужны.

Дверца поддавалась на удивление легко, а вот заводиться мобиль не захотел. Фыркнул заводной механизм, цепляясь к магическому заряду, что приводил механизмы в движение, и заглох. От досады на глаза чуть не навернулись слезы. Другому на его месте понадобился бы маг-механик, специализирующийся на зарядах для мобилей. Пантору маг не требовался. Он сам был магом, и его специальность позволяла ему легко разбираться с бытовой магией, особенно столь незначительной сложности. Но починка требовала времени, а времени не было.

Пантор забросил древнюю книгу, которую все еще тащил под мышкой, на заднее сиденье. Затем открыл капот мобиля и подлез к заряду. Ну, так и есть. То хитрое соединение, где стыковалась механическая часть с энергией магического заряда, накрылось медным тазом. Пантор сложил пальцы правой руки в хитрую фигуру, мизинцем касаясь механической части, а указательным – емкости с зарядом, и произнес короткое заклинание. Затарахтело. Механизмы пришли в действие. Нутро мобиля зажило своей жизнью. Ученик мага с облегчением выдохнул и хлопнул капотом. Теперь бежать...

Одновременно с хлопком крышки капота чья-то рука тяжело хлопнула его по плечу. Мысли вылетели из головы, оставляя только слепую панику, которая тут же сошла на нет, сменившись мрачной обреченностью. Пантор медленно повернулся...

– Привет, Пантюша, – перед Пантором стоял рослый, удивительно худой и нескладный рыжий парень с хитрой рожей и расплывался в довольной улыбке, которую ученик мага уже подзабыл. – Скучал без меня?

Пантор почувствовал, что сил больше нет, опустил плечи и облокотился на мобиль. Перед ним стоял бывший сокурсник, выкинутый из академии за роман с преподавателем.

– Винс, ну нельзя же так людей пугать, – промямлил Пантор. – Я тебя только сегодня вспоминал, когда мимо академии топал. И не называй меня Пантюшей, сколько раз просил.

– Лады, Пантей, – глаза Винсента забегали по сторонам, словно это он собирался бежать подальше от дома Мессера и ждал появления приставов. – Может, прокатимся до Академии, еще повспоминаем?

Академия находится в центре Вероллы, а дорога в центр ему сейчас заказана. Вообще надо бежать из города.

– Мне не в ту сторону, – буркнул Пантор и, плюхнувшись на сидение водителя, попытался закрыть дверцу.

Не тут-то было. Винсент подцепил ручку дверцы и тянул за нее обратно.

– Да какая разница! – голос его звучал теперь напряженно и требовательно. Но Пантор не придавал этому значения, скорее всего оттого, что сам был напряжен до предела. – Сто лет не виделась, – фальшиво добавил Винсент. – Поехали еще куда-нибудь.

Пантор снова попытался закрыть дверцу, но Винс держал крепко.

– Садись, – сдался Пантор, лишь бы только уехать отсюда поскорее и подальше.

Рыжий не заставил себя ждать. Молнией обогнул мобиль, рывком распахнул дверцу и загрузился – другого слова не подберешь – в салон. Пантор нажал педаль. Мобиль выкатился на дорогу, принялся неспешно набирать скорость.

Винсент опасливо поглядывал в окно, пытаясь при этом демонстрировать полное равнодушие к окружающему. На сей раз это не укрылось от внимания Пантора.

– Ну, рассказывай, – предложил юный маг.

– О чем это? – поежился Винсент, поспешно отворачиваясь от окна.

– Как о чем? От кого бежишь?

Пантор крутанул руль. Мобиль повернул направо. Теперь центр Вероллы остался за спиной. Ученик мага прибавил скорости. Замелькали быстрее дома и деревья за окном. Сзади был шпиль здания Консорциума, впереди неизвестность. Да еще вдобавок рядом сидел старый приятель, убегающий теперь вместе с ним от каких-то неприятностей.

У Пантора и своих неприятностей и непонятностей имелось предостаточно, потому получать на свою голову еще и неизвестно с чем связанные заботы Винса было ему совсем не с руки.

– Ни от кого я не бегу, – надулся рыжий. – С чего ты взял?

– Хорошо, – согласился Пантор и начал сбрасывать скорость.

– Эй-эй, – засуетился Винс, – ты чего?

– Ничего, – пожал плечами Пантор. – Мне дальше на север. А ты уже приехал.

Мобиль практически остановился. Винсент задергался, совсем забыв о своей конспирации.

– Ладно-ладно, – заторопился он. – Поехали. Расскажу по дороге.

Пантор прибавил газу. Вокруг снова замелькали утопающие в зелени садов особняки. Потом пронеслась последняя кованая ограда и пошли похожие друг на друга, как доски в заборе, доходные дома. Винсент сидел и сопел, собираясь с мыслями. Он был похож сейчас на ребенка, который готовился признаться в том, что мамина любимая ваза упала не сама по себе, а с помощью его мячика.

– Веролла заканчивается, – поторопил Пантор.

– Он на меня донос написал, – выпалил Винсент.

– Какой донос? – опешил Пантор.

– Обычный, что я магией занимаюсь с мертвыми, – затараторил на одном дыхании Винс. – А я ведь ни разу никакой некромантии... А он говорит, раз кладбище, значит, некромантия. И уж ему-то поверят. А мне нет. Потому что я никто, а он начальник. А все из-за нее...

Дыхание кончилось. Винсент захлебнулся и примолк. Пантор в великом изумлении смотрел на рыжего приятеля.

– Чего?

– На дорогу смотри, – озлился не то на непонятливость товарища, не то еще на что Винсент.

Ученик мага спохватился и резко повернул голову. Дальше ехал, уделяя дороге больше внимания, хотя и продолжал коситься на рыжего время от времени.

– Он директор кладбища, понимаешь? – начал Винсент снова, стараясь быть спокойным.

– А она?

– А она – его жена.

– А ты при чем?

Винсент посмотрел на приятеля, как на умалишенного.

– Старик, что значит – «я при чем»? Ты ее видел? Ему пятьдесят. Ей двадцать пять. Он всю жизнь на кладбище, у него у самого уже все как у покойника. А она чахнет во цвете лет. И такая красавица. Неужели я смогу позволить погибнуть красоте?

– И ты красиво наставил изящные ветвистые рога ее мужу, – усмехнулся Пантор.

– Ну, можно и так сказать, хотя это грубо и мне не нравится. Я бы выразился изящнее.

– Не надо, – отмахнулся Пантор. – Главное, суть передана верно.

– Суть, – передразнил рыжий. – Какая суть! У нас была любовь.

Пантор снова фыркнул. Сколько помнил нескладного приятеля, любовь у того была всегда. И каждый раз вечная и светлая, даже если длилась она одну ночь, и с утра Винс не мог вспомнить ее имя.

– Не смешно, – мгновенно вскинулся рыжий. – Мы с ней были созданы друг для друга.

– Если бы не ее муж, который стоял между вами, – поддел Пантор.

– Да нет, – не заметил подначки Винс. – От мужа как раз была польза. Во-первых, он содержал ее, во-вторых, давал работу мне. И все было чудесно. Мы втроем жили душа в душу, пока этот старый негодяй не пришел однажды домой невовремя и не узнал, что...

Винс снова замолчал, уткнув бессмысленный взгляд в пространство, словно вспоминая о былом.

Веролла осталась позади. Вдоль дороги потянулись поля и крохотные фермерские домики.

– И он написал на меня донос, что я, не имея лицензии, занимался магией, а кроме прочего, делал это на кладбище. Ну, понятно же, что если магия и кладбище, значит – некромантия. А за некромантию сам знаешь, что бывает.

Пантор кивнул.

– А некромантии не было?

– Старик, за кого ты меня держишь? Никакой некромантии. Я просто работал на этого негодяя. И магия исключительно бытовая. По его же просьбе.

Пантор долго думал, что такого можно сделать на кладбище при помощи бытовой магии, но так и не смог изобрести ничего путного.

– Какая магия может быть на кладбище?

– Э-э-э-э, тут целое доходное дело, – оживился Винсент. – Знаешь, насколько дорого умереть? Место на кладбище в Веролле стоит целое состояние. Город-то большой, кладбища на всех не хватит.

Глаза рыжего сверкали хулиганским азартом.

– Вот умирает человек, идут похороны, место выкуплено, могила раскопана. А с вечера дождь прошел. Приносят человека хоронить, а в могиле воды по колено. А кому охота покойника в луже хоронить?

– А покойнику не все равно?

– Покойнику, может, и все равно, а его живым родственникам нет. От близости трагедии у людей обычно включается бытовой маразм. И вот тут эти родичи бегут к директору и просят, умоляют, предлагают любые деньги, лишь бы только могила была нормальная, вот ведь рядом раскопано и без воды. Директор отнекивается, наконец, когда родные и близкие усопшего готовы отдать ему последнюю рубашку, сдается. Соглашается поменять могилу под свою ответственность, а сам получает, сколько причитается, денежкой. И все счастливы.

- А магия тут при чем? – не понял Пантор.
- Ну, старик, – протянул Винсент. – Как при чем? Лужу-то в могиле я ему заклинаю.
- Жулик, – искренне подивился Пантор.
- Директор-то? Как есть жулик.
- А сам?

– Я просто выполнял свою работу, – отмахнулся рыжий. – А этот старый негодяй мало того, что жулик и рогоносец, так еще и донос на меня накатыл. Сиди, говорит, и жди. За тобой, говорит, придут. А я чего, дурак? Нет, сперва-то я думал, что он просто блефует. А потом смотрю, приставы топают, ну я и дал деру.

Винсент замолчал. Пантор тоже сидел тихо. Да, хорошенькое дело. В одном мобиле два мага, ученик без учителя и недоучка, которого обвиняют в некромантии. И никому дела нет, что один ученик некроманта, второй бабник-жулик и оба не имеют к запрещенной магии никакого отношения. Обвиняют – значит, виноват. Добропорядочные граждане к такой ереси на пушечный выстрел не подбираются. А дыма без огня не бывает.

Пантор гнал мобиль на пределе возможностей.

- И куда ты бежать собрался? – спросил он наконец затосковавшего рыжего.
- На дикий север, куда ж еще.

Пантор кивнул. Путь у опальных магов в самом деле имелся только один – на территории, неподконтрольные Консорциуму, да и вообще кому-либо. Дикий север как раз и являлся таким местом и, по слухам, не подчинялся никому. Даже собственной власти у него не было. Так что никакие приставы там не достанут.

Существовал, конечно, и второй вариант – сдаться на милость властей и отправиться на вечное поселение на острова-свалки, куда ссылают только преступников-магов и результаты их магической деятельности. Но этот вариант Пантора совсем не устраивал: уж лучше на дикий север, чем в магическую помойку. Правда, здесь была одна сложность – как перейти границу Объединенных Территорий Консорциума? Как это делается, ученик мага не знал, но зато слышал, что за не очень большую плату жители приграничных городов с удовольствием переправляют всех желающих через кордон. Оставалось надеяться, что это правда, а не пустые слухи.

– Вот, – снова подал голос Винсент. – Теперь ты все знаешь. Так что, если не боишься, отвези меня как можно дальше по старой дружбе. Ну, куда тебе по пути. А дальше я как-нибудь сам.

Рыжий снова стал похож на ребенка. Пантор почувствовал, как в душе появляются зачатки материнских чувств. Вот поэтому на рыжего, нескладного девки и вешаются, подумалось вдруг. Обаяние, плутовство и ребячество, вызывающее материнскую нежность даже в мужике, – гремучая смесь.

- Вместе поедem, – улыбнулся Пантор.
- Куда? – не понял Винс.
- На дикий север. Куда ж еще?

Винсент воззрился на приятеля с подозрением. Долго смотрел, словно художник на натуру, прежде чем взять в руки карандаш и кисть. Наконец покачал головой:

- А ты что натворил?

5

Старший пристав отдела магического надзора, крепкий мужик по имени Ниро, несмотря на свою удачливую жизнь с крепкой семьей и не менее крепко выстроенной карьерой, пребывал в крепкой тоске. Такого провального дела Ниро не получал уже лет пятнадцать. Обычно все было как-то просто и легко. Материал понятен, преступник очевиден, арест молниеносен. Сейчас же все пошло наперекосяк с того самого момента, как из отдела контроля за магическими ритуалами ему на стол легло дело некроманта Мессера.

Ниро быстро пробежал глазами изложенный сухим языком текст и тут же отметил несколько странностей. Во-первых, маг Мессер никогда не был замечен в увлечениях некромантией, был он весьма добропорядочным гражданином, но это как раз не выглядело удивительным. Сколько в его практике попадалось таких, которые на первый взгляд казались кроткими овечками, а на самом деле выходили злостными преступниками. Озадачивало другое. Маг Мессер имел лицензию как маг третьей ступени второго уровня. Высоко, конечно, но не запредельно. А вот по информации, пришедшей из отдела контроля, выходило, что маг Мессер совершил некромантический ритуал, по выплеску энергии доступный разве что нескольким магам первой ступени первого уровня. И то как бы не надорвались. Что ж это выходит? Либо Мессер действовал не один, либо отдел лицензирования крепко ошибся на его счет.

Трезво рассудив, что его задача – арестовывать преступников и выбивать из них признания, Ниро плюнул на загадки, свистнул патруль и поехал на задержание. К дому мага Мессера Ниро примчался быстро, но арестовать преступника не смог. Доказательств вины мага в доме нашлось предостаточно, начиная от свитков по некромантии и заканчивая следами магической активности. Сам маг дожидался дома. Ничто не мешало задержанию кроме одного весьма значительного «но»: Мессер был мертв.

Магический рисунок на полу Ниро идентифицировать не удалось, но ни на один из тех, что значились в найденных у Мессера книгах, он не походил.

Кто и что здесь сотворил, понять было практически невозможно. Ниро облазил весь дом, собрал все, что могло хоть как-то натолкнуть на понимание происходящего, но понимания не было. Имелись лишь версии.

Например, Мессер мог совершать ритуал не один. Или же ритуал мог провести кто-то иной, а маг просто стал жертвой. Тем более что следы посторонних в доме Мессера присутствовали. Кроме того, за магом был зарегистрирован мобиль, которого пока найти не удалось.

В тот день Ниро просидел над делом до позднего вечера. Домой пришел поздно, уставший и злой. На жену нарычал, хотя повода толком не было, и отправился спать. Но сон не шел. Из мягких лапок дремы Ниро выдергивали мысли о деле. Наутро он явился в отдел невыспавшийся и еще более злой. И взялся за дело с еще большим ожесточением.

К обеду в дверь деликатно постучали. С такой деликатностью к Ниро входил лишь его прямой начальник, капитан Жорж Деранс. Причем вежлив Деранс был всегда и со всеми, вот только за мягкими словами зачастую звенел металл грядущей расплаты за халатность.

– Можно? – протиснулось в щель между косяком и створкой мягко улыбающееся лицо Деранса.

Ниро кивнул. Капитана он уважал. Было за что. Пусть «полевой» работой пристава Деранс не занимался уже много лет, пусть он даже совсем уже к ней не пригоден, а может, никогда годен и не был, но в качестве начальника Жорж не имел равных. Под его началом работали все. Причем работали на совесть и с полной отдачей. Ниро всегда поражался тому,

как умудряется руководить Деранс. Вроде бы он ничего не делал для этого, но отдел под его руководством работал как хорошо отлаженный надежный механизм.

Деранс скользнул в кабинет и прикрыл за собой дверь. Улыбка с лица капитана не сходила и была такой ласковой, что Ниро почуял недоброе.

– Чем обязан визитом, господин капитан?

– Зашел поговорить. – Не переставая улыбаться, капитан двинулся к Ниро, словно пошел в атаку. – Как жена? Как дети? Как настроение?

Деранс сделал паузу и мастерски выдержал ее ровно настолько, чтобы Ниро почувствовал себя неловко и захотел ответить на ничего не значащие вопросы, но сказать при этом ничего не успел.

– Где отчет? – не дождавшись ответа, бросил капитан.

– Господин капитан, дело в работе, – выдавил Ниро.

Это была сущая правда. Он с самого утра корпел над материалами, допросил двух якобы свидетелей, которые знали не больше уборщицы, что прибирала в его кабинете. Он анализировал информацию, сопоставлял улики, искал связи, но выходила лишь горстка домыслов. А домыслы в отчет не сложишь.

Капитан подошел к столу и уселся напротив, ласково глядя в глаза пристава.

– Ниро, что за детский сад? Это ведь твоя работа. Тебе дают наводку, ты идешь и арестовываешь преступника. Все. Неужели это так сложно? – Голос Деранса звучал бархатно, словно баюкал, но Ниро от этих сладких интонаций похолодел.

– Несложно, господин капитан. Но здесь возникла форс-мажорная ситуация. Подозреваемый мертв. Других подозреваемых нет. И я...

– Так найди! – неожиданно резко заметил капитан. Лицо его растеряло все обаяние, стало жестким. – Найди этих других. Это твоя работа, Ниро. И если ты с ней не справляешься, значит, ты не пристав. Или...

Деранс снова выдержал паузу. Ниро поймал себя на том, что внутри все оледенело, а по спине между лопаток бежит струйка холодного пота. Он – взрослый, здоровый и крепкий мужик – боялся изящного утонченного капитана, как мальчишка боится учителя.

– Или кое-кто из начальства может решить, что ты покрываешь преступника, – закончил капитан. – Ты же не хочешь, что бы кто-то из начальства так думал, правда?

Ниро кивнул. Деранс поднялся и снова улыбнулся ласково и нежно.

– Работай. Мне нужен отчет, и как можно быстрее. Выплеск был слишком велик. И этим делом заинтересовались на очень высоком уровне. Запрос на отчет идет с таких высот, что тебе лучше об этом даже не задумываться. Так что старайся.

Ниро почувствовал, как испарина выступает на лбу. Захотелось вытереть лицо, но он не осмелился. Деранс был жесток, но справедлив. Если делом заинтересовались сверху, то потребуется либо дать исчерпывающие ответы, либо найти крайнего. Сам капитан крайним не станет, значит, все шишки посыплются на пристава, ведущего дело, – то есть на него, Ниро. Хорошо еще, что Деранс хотя бы честно об этом говорит, а не готовит подлость за спиной.

– Мне нужно еще немного времени, – произнес Ниро.

Горло перехватило, и голос его прозвучал сипло. Пристав закашлялся.

– У тебя три дня, – улыбнулся Деранс. – Привет жене.

И, не дожидаясь ответа, капитан направился к выходу. Больше он не заходил, и, хотя сказать начальству Ниро было по-прежнему нечего, столь откровенное подчеркнутое невнимание со стороны капитана угнетало.

Из трех дней, выделенных капитаном, прошло два. Ниро не сдвинулся в своем расследовании ни на шаг. Он выезжал на место, он допрашивал людей, он сопоставлял факты. На вторые сутки не пошел домой, заночевал в отделении. Жена обиделась, Ниро вспылил,

закончилось скандалом. Крепкая семья, годами складывающаяся карьера, привычная жизнь – все балансировало сейчас, как неопытный канатоходец на проволоке, грозя обрушиться в любой момент. Ниро из кожи вон лез, но ничего нового обнаружить не удалось. Вот разве что только этот ученик мага... Выпускник академии, окончивший факультет бытовой магии. Но предположить, что мальчишка двадцати двух лет от роду сумел не только укокошить собственного учителя, но и совершить обряд такой силы, было даже не смелостью, а откровенным маразмом.

Хотя как-то мальчишка явно был в этом замешан. Потому как по месту жительства его не нашли, а после выяснилось, что он пропал в тот самый вечер и с тех пор не появлялся. Выходит...

Да ничего не выходит, озлился Ниро и впал в тоску. Деранс прав, все просто: ему указывают преступника, он его арестовывает и готовит материалы для суда, доказывающие преступление. Потом бедолагу судят и отправляют на острова. Всегда, потому что приставы всегда находят доказательства вины. Ошибки быть не может, совесть не мучит. Сомнений нет. И жалости к магам тоже нет, потому что эта часть магии изначально под запретом, поскольку тот, кто решает связать свою жизнь с полулегальным занятием, изначально ходит по лезвию бритвы. И если, понимая это, люди все равно лезут в магию, то не о чем жалеть, если они сорвались за черту. Все просто. А его работа – брать проштрафившихся и отправлять под суд. Но сейчас, впервые за время службы, выходило, что виноватого нет и отдавать под суд некого. А раз виновный отсутствует, значит, виноват он. Это было разумно, это было правильно. Но что-то в душе Ниро восставало против такой постановки вопроса. Если он не поймал преступника, то, конечно, виноват, но почему он сам должен из-за этого становиться преступником? Мысль была настолько крамольной, что пристав вскочил со стула и принялся мерить шагами кабинет.

Вечер плавно перетекал в ночь, в отделе остались только он и дежурный. Во всем здании, казалось, царила тишина, только часы на стене отщелкивали оставшиеся минуты привычной жизни. Ночь, утро и все... Днем, не дожидаясь обеда, к нему постучится Деранс, улыбнется и, не получив отчета, отправит под суд, как сам Ниро всю жизнь отправлял других. Наверное, это справедливо, но почему-то очень обидно.

Ниро плюхнулся за стол, уперся локтями в столешницу и схватился за голову. Часы мерзко тикали, вдальбывая секунды в голову. Пристав подумал, что часы, должно быть, самый гнусный прибор, изобретенный человечеством. Какому умнику пришло в голову материализовать время и наглядно показать его ограниченность?

В коридоре послышались шаги. Пристав приподнял голову и уперся взглядом в дверь. Шаги приблизились, затем раздался стук. Грубый, ожидаемый. Это не Деранс, это дежурный. Скучно ему там, что ли?

– Да, – буркнул Ниро.

Дверь распахнулась, на пороге и вправду торчал дежурный.

– Господин пристав, вас спрашивает какой-то джентльмен.

– Кто он?

– Он не представился, – смутился дежурный.

– Тогда гони его в шею, – посоветовал Ниро.

Он отчего-то почувствовал досаду. Ему остались считанные часы до момента, когда он из пристава превратится в обвиняемого, а тут какие-то анонимные хмыри не дают даже побыть наедине со своей бедой.

– Но он просил передать, что он по делу лорда Мессера, – промямлил дежурный. – Все равно гнать?

Не веря своим ушам, Ниро подскочил из-за стола и, видимо, настолько переменялся в лице, что дежурный опешил еще больше.

– Гони! – выпалил пристав. – Гони его сюда. Немедленно.

6

Человек, пришедший по волнующему пристава делу, был странным. Фигура его терялась под балахоном, голову покрывал капюшон, полностью закрывающий лицо. Рукопожатие его оказалось крепким, а рука сухой, как у старика. И перчатки при рукопожатии гость не снял. Ниро хотел списать этот жест на невоспитанность, но посетитель тут же добавил вежливое:

– Здравствуйте, господин пристав. Рад знакомству.

И голос из-под капюшона звучал такой бархатный и мягкий, что противоречие в манерах гостя поставило господина пристава в тупик.

Ниро кивнул и жестом выпроводил дежурного. Тот, расстроенный, вышел, нехотя приотворил дверь. Оно и понятно, ночное дежурство – скука смертная. А тут только-только намечалось что-то интересное, и то погнажи. Ничего, перебьется. Не цирк, чай.

– Садитесь, – предложил Ниро.

– Благодарю, господин пристав, я постою.

Ниро пожал плечами. Смотреть на стоящего перед ним странного посетителя снизу вверх было неудобно. Впрочем, стоять тоже не хотелось, сказывалась усталость. И пристав присел на край стола.

– Итак, – подтолкнул он гостя к беседе. – Вы что-то знаете о лорде Мессере?

Из-под капюшона донеслось хмыканье. На какое-то мгновение пристава показалось даже, что человек, пришедший к нему в кабинет, широко улыбается. Ниро представил себе его лицо настолько ясно, что почти разглядел его под капюшоном.

– О лорде Мессере я знаю все, – бархатно проговорил визитер. – Что именно вас интересует?

– Меня интересуют события последних дней, – уточнил Ниро.

Вроде бы ничего такого не было в сложившейся ситуации, но он отчего-то чувствовал себя глупо. Капюшоны, перчатки, слова-загадки. Бред какой-то.

– Хорошо, – человек в балахоне повел плечами, отчего стал похож на куклу-марионетку. Вот только неясно было, кто дергает за ниточки. – В день, который вас интересует, лорду Мессеру принесли недостающие ингредиенты для одного некромантического обряда. После этого он отправил домой своего ученика и начал готовить ритуал. Почти все было подготовлено заранее, потому на завершающие детали понадобилось минут десять, не больше. Затем лорд Мессер начал обряд. На него ушло еще четверть часа. Выплеск энергии произошел в конце обряда, потому именно через четверть часа ваши маги из отдела контроля заметили нарушение. Потом началась возня. Пока зафиксировали, пока оценили, пока оформили материалы, пока эти материалы добрались до вас, прошло еще около часа...

– Внутреннюю кухню отделов я знаю лучше вас, – огрызнулся Ниро.

Загадочный посетитель раздражал его сверх меры. Чем дальше, тем больше. Особенно ничемностью своих фантазий. У него последние часы привычной жизни, а тут приходит невеста кто, сперва дарит надежду, потом разочаровывает.

– Только ваша версия, уважаемый, яйца выеденного не стоит.

– Вот как? – под капюшоном снова послышался смешок. – Отчего же?

– Все это ваши домыслы. Лорд Мессер не мог создать заклинание такой мощи. Это было ему просто не по силам. Во всяком случае, в одиночку. Или у вас есть сведения о том, кто помогал ему?

– Нет, – качнулся из стороны в сторону капюшон. – Он был один. И я это точно знаю.

Голос звучал теперь с непоколебимой уверенностью, и это окончательно вывело Ниро из себя.

– Откуда такая уверенность, позвольте спросить? – издевательски поинтересовался Ниро.

– Все очень просто.

Посетитель медленно, словно в ночном кошмаре, поднял руку. Пальцы в тонкой кожаной перчатке ухватились за край капюшона, потянули... Следующее мгновение показалось Ниро, наверное, самым долгим в его жизни. Пальцы в перчатке все тянули капюшон, а тьма под ним все никак не рассеивалась.

А потом...

Ткань соскользнула невероятно легко. Обнажая лысую, как показалось в первый момент, голову. Череп гостя был не просто лыс, он был абсолютно гол. Голая, выбеленная черепушка смотрела на Ниро пустыми глазницами.

Пристав похолодел.

За свою карьеру он видел много всякого. Доводилось наблюдать и трупы магов, размазанных по полу и стенам комнаты неумелым заклятием. Но шевелящегося скелета Ниро не видел прежде ни разу. И зрелище это было ужасающим. Мясо, кровяца и вывернутые наружу кишки смотрелись как-то привычнее, в говорящих и двигающихся костях же было нечто настолько противоестественное, что от этого зрелища хотелось бежать. Очень далеко и очень быстро.

Ниро остолбенел. Так и сидел, молча и недвижимо, как статуя, на краю собственного стола.

– Я знаю все это совершенно точно, – произнес мертвый визитер, – потому что я – лорд Мессер...

7

В зале заседания суда было пусто. Оно и понятно: такие процессы проходили при закрытых дверях. И не пускали на них не то что посторонних зевак, а даже друзей и родственников. Зачем? Все происходило быстро и четко. Вердикт был известен заранее, все остальное лишь подтверждало и объясняло его. Потому и участников минимум: подсудимый, судья, пристав, выполняющий роль дознавателя и обвинителя, и пара полицейских, что приводили и уводили подсудимого. В этот раз народу было больше. Вместе с Ниро в зале сидел Жорж Деранс. Понять, зачем начальник лично пришел на слушание, пристав не мог, поэтому такая ситуация его немало напрягала.

– А что продолжать? – Мессер сидел на скамье подсудимых и имел удрученный вид, если такое определение вообще применимо к скелету. – Я пришел в сознание, понял, что произошло, и бежал.

– Бежали от правосудия?

– Нет, не от правосудия, от страха. Я был не в себе, – помявшись, сообщил Мессер. – Если бы я мыслил трезво в тот момент, то не стал бы убегать.

Ниро показалось, что последние слова подсудимый произнес с издевкой. Он кинул беглый взгляд на Мессера, но ни по лицу бывшего лорда, ни по пустым глазницам понять его настроение было невозможно.

– Дальше, – буркнул Ниро.

– Дальше я понял, что убегать бессмысленно, и пришел к вам, господин пристав.

Ниро кивнул. Поглядел на судью, мол: «Вот и все, выносите приговор, ваша честь». Их честь, однако же, с приговором не торопилась.

– Подсудимый, именующий себя лордом Мессером, – голос у судьи был скрипучим, как старая рассохшаяся дверь на несмазанных петлях. – Вы сообщили суду, что совершили ритуал и воспользовались запрещенной магией в одиночку.

– Да, ваша честь, – голос Мессера звучал мягко, бархатно, что добавляло еще больший контраст.

– И ритуал вы готовили по древней некромантической книге.

Мессер кивнул.

– Отвечайте, – потребовал судья.

– Да, ваша честь.

– Суд интересуется, где эта книга находится в настоящее время.

– Не имею ни малейшего представления, – сказал Мессер. – Убегая, я оставил книгу в своей мастерской.

Судья перевел немигающий взгляд на Ниро. Глаза у судьи оказались мутными и бессмысленными, как у рыбы. Пристав внутренне сжался. Понятно, к чему клонит мутноглазый. Раз книга осталась на месте, куда явился пристав, значит, пристав ее и прикарманил. Больше некому. Либо подсудимый врет, и тогда, выходит, пристав плохо работает. В общем, как ни крути, а крайним все равно получается пристав. Значит, Ниро все равно неприятностей не избежать. Ясно теперь, чего тут Деранс сидит. Но почему? Ведь он ничего плохого не делал, служил честно. Или все-таки где-то крепко оступился? Или кому-то помешал на своем месте? Кому-то власть имущему... Ниро похолодел и погнал крамольные мысли прочь. Так и в самом деле до суда недалеко.

– Кто кроме вас имел доступ в мастерскую? – спросил Ниро.

Он постарался придать голосу значительности, но тот предательски сорвался на хрип.

– Никто, – покачал головой Мессер.

– А ваш ученик? – припомнил Ниро первые показания соседей-свидетелей.

- Пантор? – маг-скелет, кажется, искренне удивился. – Я отправил его домой.
- А он мог вернуться в мастерскую после вашего бегства?

Мессер молчал.

- Отвечайте, – потребовал Ниро, чувствуя, что в этом его спасение.
- Ну, чисто теоретически... – проговорил маг.
- Вот и ответ на ваш вопрос, ваша честь, – повернулся пристав к судье.

Судья причмокнул губами, запыхтел, будто ему только что порушили все планы. Протянул руку к молоточку. Молоточек взлетел, звонко стукнуло раз, другой. Мутноглазый поднялся, нависая над залом и всеми, кто в нем сейчас сидел.

– Верховный суд Вероллы слушал и постановил. Подсудимого, нечеловеческое существо, именующее себя лордом Мессером, за использование запрещенных магических формул и иные нарушения закона самим фактом своего существования в нынешнем виде выслать за пределы Объединенных Территорий Консорциума на пожизненное поселение. Вердикт окончательный, обжалованию не подлежит.

Снова громко ударил молоточек. Полицейские поднялись со своих мест, подхватили Мессера под руки. Судья спустился с подиума и пошел к задней двери. Ниро посмотрел в зал, где сидел Деранс. Того уже не было.

8

За дверью зала заседания было шумно. По коридорам сновали полицейские, водили подсудимых, метались близкие тех самых подсудимых с заплаканными глазами, зеваки со скучающими лицами, ищущие зрелища, свидетели, недовольные тем, что их оторвали от дел, но всячески скрывающие недовольство и подобострастно улыбающиеся всем представителям власти, включая тех, кто не имел к их делу никакого отношения.

Навстречу Ниро метнулся крепкий мужчина, преградил дорогу. Пристав поднял на него взгляд. Мужчина был красив, во всяком случае, Ниро точно знал, что мужчины такого рода нравятся женщинам. Крепкий блондин, скуластое мужественное лицо, тонкие изящные усики, живые с искоркой глаза. Лицо это показалось чем-то знакомым. Ниро обогнул мужчину и пошел по коридору.

– Господин пристав, мне нужно с вами побеседовать, – не отставал блондин.

– Я ничего не смогу сделать для подсудимого, – бросил Ниро дежурную отговорку.

– Я и не прошу, – улыбнулся блондин. – Вы могли бы кое-что сделать для меня. Помочь мне в расследовании.

Ниро притормозил и посмотрел на мужчину внимательнее. Определенно знакомое лицо.

– Вы из какого отдела?

– Я веду журналистское расследование. – Блондин по-прежнему шел рядом. Движения его были скользкими, верткими и могучими, как у лinya. – Санчес О’Гира, «Огни Вероллы».

Ну конечно, журналюга! Коридор закончился. Ниро остановился у дверей, пропуская входящих.

– Вы не по адресу, уважаемый, я не занимаюсь помощью скандальным журналистам.

Ниро повернулся к выходу.

– Если передумаете, вот моя карточка.

Журналист молниеносно пихнул пристава визитку. Ниро вышел, дверь захлопнулась. В руках у пристава была картонная карточка с адресом и именем журналюги. И это при том, что сам Санчес остался внутри здания. Удивительный проныра.

Ниро хотел выбросить картонку, но не успел. Взгляд зацепился за стоящего неподалеку Деранса. Капитан ждал, и на лице его была знакомая улыбка, не предвещающая ничего хорошего. На автомате пихнув карточку в карман, Ниро подошел к начальству.

– Суд закончился, дело закрыто, – бодро отчитался Ниро, подойдя к Дерансу.

– Суд закончился, – улыбнулся начальник. – Дело не закрыто, идем.

Не дожидаясь пристава, капитан повернулся и пошел прочь. Ниро поплелся следом. Он ожидал, что начальник потащит его в управление, но Деранс повернул на улочку, что вела в сторону окраины города.

– Но у нас же есть Мессер. Он пойман, осужден и сослан. Все по протоколу.

– У нас есть некий субъект, который утверждает, что он Мессер. Да, мы его поймали, осудили и наказали. Все по протоколу. Но надо помнить, что доказательств того, что это Мессер, у нас нет. Более того, у нас есть труп самого Мессера. И книга.

– Книги как раз нет, – напомнил Ниро.

– Вот именно, – расплылся в улыбке Деранс.

Когда вокруг совсем обезлюдело, Деранс повернулся к пристава и снова нехорошо улыбнулся. Слишком ласково.

– Ты и правда думаешь, что книга у мальчишки?

Ниро похолодел. В суде-то он открестился, но уверенности в том, что ученик Мессера утащил книгу, не было.

– А где еще? – опасливо сказал он.

– Тогда тебе придется постараться найти мальчишку, эта книга нам очень нужна. – Улыбка Деранса стала почти материнской, и от этой теплой улыбки по коже пробежал мороз.

– Хорошо, господин капитан, – согласился Ниро. – Мне понадобится патруль и...

Деранс покачал головой.

– Тебе ничего не понадобится. Разве ты еще не понял? Не найдешь мальчишку и книжку, то отправишься следом за скелетом. И никто тебе не поможет. Начальству нужна книга, а если ее не будет, не будет и пристава Ниро, так что лучше думай, где искать этого прохвоста, если книга, конечно, у него. Думай, – капитан ласково улыбнулся. – И привет жене передавай.

9

Скорость Пантор сбросил довольно быстро. Мобиль и сам по себе был не слишком шустрым, а теперь и вовсе плелся едва ли быстрее обычной повозки, запряженной парой лошадок. Но гнать означало привлекать к себе внимание. Кроме того, мобиль Мессера чем дальше, тем больше трясло. Механизмы работали с тарахтением и скрежетом, которых явно не должно появляться в нормальных условиях. И если в магических движителях Пантор разбирался, то механическая составляющая любого агрегата сложнее сложенного из бумаги голубя оставалась для него темным лесом. Ученик мага скосил глаза на соседнее сидение. Винсент дрых без зазрения совести, запрокинув голову. Рот у спящего был приоткрыт, и по салону мобиля раскатывался мягкий умиротворенный храп. Пантор поглядел на дающего храпака рыжего и подумал, что навряд ли тот разбирается в механике. Мобиль тряхнуло. Пантор тихо выругался. Они ехали уже четвертые сутки, аппарат лорда Мессера вел себя все паршивее. И ученик мага мысленно готовил себя к тому, что скоро, возможно, придется идти пешком.

Чем дальше они отъезжали от столицы, тем разительнее менялся ландшафт. И если в начале пути дорога была вполне приличной, то через несколько часов езды пейзаж изменился до неузнаваемости. Пропали высаженные по обочинам деревца. Исчезли вереницы фонарей. На дороге все чаще стали попадаться рытвины и ухабы. Крохотные аккуратные городки вдали сменились полями и пашнями. А населенные пункты, притулившиеся возле дороги, попадались теперь все реже и выглядели все гаже. Единственное, что не менялось, так это караульные посты и шлагбаумы, время от времени попадающиеся на пути. Впрочем, как понял Пантор, они рьяно досматривали путешественников, направляющихся в столицу. Тех, кто ехал прочь от Вероллы, почему-то не трогали.

Каждый раз, притормозив у очередного шлагбаума, Пантор напрягался внутренне, ожидая, что сейчас-то их и схватят, но всякий раз наблюдал одну и ту же сцену. Один из караульных перебежал с обратной стороны дороги, поднимал перед ними дорожное ограждение, поспешно махал рукой – проезжай, мол, и тут же бежал обратно.

– Чего это они? – пробормотал Пантор, миновав очередной пост.

– А сам как думаешь? – сладко потягиваясь, отозвался проснувшийся Винсент и зевнул.

– Знал бы, не спрашивал. Но если логично рассуждать... мы-то из столицы бежим. А они тех, кто в столицу едут, досматривают.

– Сдался ты им, – фыркнул Винсент. – И я вместе с тобой. Готов спорить, что нас с тобой все еще в Веролле ищут, если ищут. А эти кордоны Консорциум по всем дорогам знаешь зачем выставил?

– Для безопасности столицы и Консорциума, – пожал плечами Пантор.

Винсент запрокинул рыжую голову и обидно расхохотался.

– Так любой школьник ответит. А на самом деле, – Винс понизил голос, – ходят слухи, что в Вероллу должна вернуться Ионея. Вот Консорциум и принимает меры. Хотя если Лазурная магесса в самом деле чего-то забыла в столице, то она уже там.

– Как? А как же кордоны?

– Мимо цели, – отмахнулся Винсент. – Наши власти если чего и делают правильно, то всегда с опозданием. Пока они додумают, пока система зашевелится, верно принятое решение реализовывать уже бессмысленно. Поздно. А потом, нельзя и про взятки забывать.

– Взятки?

– Конечно, при правильном подходе и с правильной суммой в ОТК можно решить любой вопрос.

– А ты откуда знаешь?

– Ты что, забыл мой рассказ про могилы и воду?

Пантор поежился. В другой ситуации принял бы Винсента за провокатора и высадил бы здесь же, у обочины. Но сейчас только нахмурился.

– Думаю, ты не прав, Консорциум существует только по воле народа и заботится исключительно о благе народа, а значит, слуги народа просто не могут брать взятки.

Винсент скорчил такую рожу, что ученик мага замолк на полуслове.

– Взятки были и есть, и берут их все: и народ, и слуги, и маги.

– Но ведь никто не идеален. Зато смотри, что для народа делается.

– Ой, что делается! – дурашливо заголосил рыжий. – И что делается?

– Например, мы больше не воюем с диким севером, – насупился Пантор.

– Просто не воевать с диким севером стало выгоднее, чем воевать. И народу в столице до фонаря, воюем мы с севером или нет. Столичные жители вообще дальше столицы жизни не видят. И про войну говорят, только когда журналисты галдеж устроят. Дальше?

– Чего пристал, – надулся Пантор. – Возьми газету и почитай. Там все написано.

– Вот именно, – в свою очередь рассердился рыжий. – В газете написано. Там сейчас, кстати, напишут, что ты убил своего лорда Мессера.

При воспоминании об учителе сердце болезненно сжалось. Сама мысль о том, что Мессер мертв, была болезненной. А от того, что вину за смерть уважаемого и любимого им человека повесят на него, становилось и вовсе горько, больно и обидно.

– Это не правда, я не убивал, – запротестовал Пантор, уже жалея, что рассказал Винсу свою историю.

– Ты-то не убивал, – злорадно процедил Винсент. – Только напишут, что убил. И все это прочтут и будут знать, что ты убийца. Ну что, Пантюша, все еще веришь тому, что газеты пишут?

– Не называй меня так, – окрысился Пантор за неимением других аргументов.

– Да бога ради, – зло фыркнул Винсент. – Только ты мне, пожалуйста, свою лабуду про Консорциум и заботу о народе не рассказывай. Ты уже вне системы и вне закона, пора учиться мыслить самостоятельно.

Мыслить самостоятельно. Пантор поерзал на сиденье. О чем мыслить-то? В голове каша, он в бегах, про него неведь что думают и неведь каких собак на него навешивают. И последнее, о чем сейчас хотелось думать, так это об устройстве Консорциума и политике ОТК. Сейчас впору думать о том, как бы сбежать.

– Кто она такая? – спросил он, только чтобы сменить тему.

Рыжий вскинулся:

– В смысле? Кто такая Ионея??? Ты с ума сошел? Ты же состоял при маге с лицензией, и ты не знаешь, кто такая Ионея Лазурная?

Пантор пожал плечами. Подобный тон раздражал. Мало ли кто чего не знает. Рыжий вот азов магии так и не выучил, как вылетел с факультета недоучкой, так недоучкой и остался.

– Ты будто все знаешь, – проворчал он.

– Я, Пантей, ничего не знаю, успокойся. Только сплетни всякие, в том числе про Ионею.

– Хватит дразниться, а то высажу, – со времен академии Пантор успел позабыть, каким ядовитым и вредным может быть Винс. Теперь он вспоминал это, как и то, что такая манера общения только поначалу выводит из себя, потом привыкаешь. Но, чтобы привыкнуть, требовалось время, и оно явно еще не прошло.

– Так чего там про Ионею? – напомнил он рыжему.

– Ионея – молодой и невероятно сильный маг. В свое время она экстерном закончила Академию за год. Получила дипломы трех магических факультетов, затем каким-то образом в восемнадцать лет заслужила собственную лицензию и набрала учеников. А еще через год

ее арестовали за превышение магических полномочий, использование некромантии и боевой магии при задержании. Но суда она не дождалась. Сбежала.

– Как? – не понял Пантор. – Из-под стражи?

Рыжий кивнул.

– Правда, одно время ходили слухи, что ее просто убили без суда и следствия, но вскоре появились свидетельства того, что Ионея на диком севере, жива и здорова. Кроме того, Ионея объявила, что гонения магов незаконны, что каждый свободный человек имеет право практиковать магию, когда и как хочет. А Консорциум, вводя запреты, занимается тиранией и ущемлением свободы.

– И Консорциум не потребовал ее выдачи?

– У кого? Это же дикий север. Там власть абстрактна и спонтанна. Где-то чисто формально встречается местечковая, где-то вовсе отсутствует. Зато ходили слухи, что многие маги в ОТК готовы поддержать Ионею, если она вернется, устроить переворот и пустить ее к власти. Твой Мессер тебе об этом ничего не говорил?

Пантор покачал головой.

– Лорд Мессер оберегал меня от опасных знаний. Он был хорошим человеком.

– Хотя и занимался незаконной некромантией, – не преминул вставить шпильку Винсент.

Пантор демонстративно не отреагировал и вперил взгляд в дорогу.

Солнце уже клонилось к горизонту. Тени стали заметно длиннее. Пора было задуматься об ужине и ночлеге.

10

– По какому поводу вы пришли к господину Плерэ? – поинтересовался секретарь.

Сделано это было таким тоном, что любому недоумку стало бы ясно, насколько это неинтересно секретарю.

– Мне необходимо видеть одного из заключенных, – в третий раз повторил ту же самую фразу Ниро.

– Одну секунду, – фальшиво улыбнулся секретарь и скрылся за дверью кабинета.

Начальник охраны был его последней надеждой добраться до Мессера. После разговора с Дерансом первой мыслью было встряхнуть все, что можно, из мага, пока его не отправили поездом в Кориали, западный портовый городишко, а оттуда тюремным пароходом на острова.

Ниро наивно полагал, что удостоверения пристава, упекшего преступника в кутузку, будет достаточно для встречи с ним. На деле выяснилось, что к преступникам пустить его готов каждый, если у него будет разрешение от...

В походе за разрешениями пристав провел три часа, но добрался не до Мессера, а до начальника охраны. Так как тюремному конвою требовалось разрешение от начальника охраны тюремного поезда, начальнику охраны поезда необходимо было разрешение от дежурного по станции. Дежурный по станции, улыбаясь, отправил Ниро к начальнику вокзала, а тот, сообщив, что это не его компетенция, ускакал пристава к начальнику охраны. Все улыбались и говорили: «Вы только бумажку подпишите, и никаких проблем».

Дверь распахнулась, снова появился секретарь.

– Пройдите, – разрешил он таким тоном, словно позволял зайти в святая святых Консорциума.

Господин Плерэ оказался пузатым коротышкой с высокими залысинами и мелкими цепкими глазками-бусинками.

– Что вам угодно, пристав?

– Мне необходимо увидеть одного из заключенных.

– Основание?

– Я вел его дело, господин Плерэ, – натянуто улыбнулся Ниро. – Вчера он был арестован, сегодня утром состоялся суд. Однако дело оказалось более обширным. Потому оно до сих пор не закрыто. Имеются новые подозреваемые. И мне необходимо переговорить с осужденным до того, как он будет выслан из столицы.

Глазки пузана азартно вспыхнули.

– Любопытно, господин пристав, любопытно. Я требую подробностей.

Ниро смерил начальника охраны тяжелым взглядом. Он тут мечется, как белка в колесе, а этот жирный кабан себе развлечение нашел.

– Господин Плерэ, я и без того рассказал больше, чем вам требовалось знать. Меня интересует только ваше разрешение. Подпишите бумагу, и я уйду. А цирковая программа ждет вас в цирке.

Терпение лопнуло, и говорил пристав жестко. Настолько, что можно было и оскорбиться. Плерэ налился краской, засопел. Глазки его стали злыми.

– Если заключенный уже осужден, а вы, господин пристав, не знаете чего-то, что он мог показать по ведомому вами делу, значит, вы плохо работаете. Понимаете, о чем я говорю? И ваше начальство ведь может узнать об этом, не так ли?

Ниро стиснул зубы, поиграл желваками. Плерэ налился довольством, чуя, что умыл выскочку пристава. Но тот вдруг резко шагнул вперед. В руке Ниро появился пистоль. Ствол уперся в толстое брюхо начальника охраны.

Пузан побледнел. Приставам не только разрешалось носить оружие. Им разрешалось носить магически модифицированное оружие. И запрет на боевую магию, во всяком случае, что касалось магических пистолей, на них не распространялся. Так что спятивший пристав запросто мог спустить курок и, если у него в самом деле есть какие-то полномочия, не понести за это никакого наказания.

Ниро сильнее надавил стволом на толстое брюхо, глядя на растерянное лицо Плерэ. Когда заговорил, голос пристава звучал зло и надменно, как не звучал почти никогда:

– Я веду сложное дело такого уровня важности, до которого тебе, жирный таракан, как до дикого севера на карачках. И если я сейчас не получу то, что мне требуется, то да, начальство все узнает о враге народа, который мешал приставу при исполнении обязанностей, ведущему дело государственной важности.

Плерэ стал блее простыни. И хотя Ниро сейчас блефовал, у начальника охраны, видимо, были свои скелеты в шкафу, потому блефа он не заметил.

– Понимаете, о чем я говорю? – дожал Ниро одной интонацией и убрал пистоль.

– Имя вашего заключенного, – жалко промямлил раздавленный Плерэ.

– Мессер, – уже обычным, вполне дружелюбным голосом сказал пристав. – Вот бумаги. Подписывайте.

Плерэ принял листок, взял перо, обмакнул в чернильницу. Прежде чем подмахнуть, бросил на бумагу беглый взгляд. На толстую рожу снова вернулись и краска, и злорадная ухмылка.

– Поезд восемьдесят два тридцать четыре дэ отбыл четверть часа назад. Так что с вашим заключенным вы сможете пообщаться по месту прибытия, господин пристав.

И, продолжая гнусно ухмыляться, Плерэ размашисто подписал разрешение.

11

Уже стемнело, когда мобиль фыркнул в последний раз и, перестав урчать и скрежестать, пошел накатом, пока не остановился вовсе. Пантор свернул на обочину. Аппарат остановился, и ученик мага устало откинулся на спинку кресла, бросив руль.

– Приехали? – всполошился подремывающий Винсент.

Пантор молча кивнул. Вступать сейчас в очередную дискуссию с рыжим не было никакого желания. Он повертел ключ в замке зажигания, несколько раз едва слышно пробормотал заклинание. Но толку не было. Заводиться мобиль не желал.

– Сломались? – насторожился Винс.

Пантор снова мотнул головой и вылез из салона. Снаружи было свежо, даже прохладно. Ученик мага распахнул капот и заглянул под крышку. С магическим движителем был порядок. То есть не то чтобы совсем порядок, но запустить его Пантор смог бы, как и в прошлые разы. И раз мобиль отказывался ехать, значит, проблемы были в механизме. А в механике юный маг разбирался примерно так же, как свинья в апельсинах.

– Что, никак?

Винс вылез из салона и вертелся рядом, чего Пантор никогда не любил. Даже в работе с Мессером он делал самые нелепые ошибки не тогда, когда лорд оставлял его с заданием наедине, а когда стоял за плечом и контролировал.

– Может, помочь? – не унимался Винсент.

– Помоги, – буркнул Пантор, только бы приятель отстал и не стоял над душой.

– А как? – смутился рыжий. – Я в мобилях не разбираюсь. Просто если придержать чего надо...

– Язык придержи, – буркнул Пантор и зло хлопнул капотом. – Все. Теперь совсем приехали.

– Не бузи, Пантюша, – рыжий пихнул надувшегося Пантора локтем в бок.

– Не называй меня так, – зло рявкнул Пантор.

Сейчас его раздражало все. Снова вспомнился Мессер, хотя, казалось, за эти дни боль поутихла. Вспомнилась прежняя жизнь. Интересная и спокойная. В которой не было постоянного ощущения опасности за спиной, в которой он был законопослушным гражданином, а не изгоем и нарушителем. А шуточки Винса и манера коверкать его имя порядком достали. Так же, как и сам нескладный, вечно растрепанный и асоциальный тип, который бежал теперь вместе с ним. Все было плохо. А теперь вот еще мобиль сломался невзсть где и посреди ночи.

Впрочем, еще не ночь. Скорее, поздний вечер. Да и рыжий ничего плохого не сделал, так что зря он на него нарычал. Немного успокоившись, Пантор поглядел на приятеля. Тот стоял рядом озадаченный, словно его обидели в лучших чувствах, и он никак не мог решить, оскорбляться или нет.

– Ладно, – примирительно сказал Пантор, – чего делать-то будем?

– Вообще-то ночью люди спят.

– Где? Посреди дороги?

– Слышь, Пантей, ты совсем оскудоумел. Это у тебя с перепугу или от усталости. Глаза разуй.

Винс мотнул головой в сторону. Пантор проследил направление и заметил указатель. Столбик с табличкой не стоял у дороги, как ему и полагалось, а валялся в траве. На табличке значилось «Утанава». Ниже мелко приписано расстояние, но цифры затерлись, и понять, как далеко эта самая Утанава, было невозможно.

– Это там, – кивнул Винсент на вопросительный взгляд Пантора и потопал куда-то в сторону от дороги через бурьян и кусты.

Утанава представляла собой типичный захолустный городок, один из тех, что во множестве разбросаны по всем Объединенным Территориям. Жизнь в нем текла спокойно, размеренно, неторопливо. Да и откуда здесь взяться разгулу страстей, когда население города столь «велико», что все друг друга знают? Ничего особо интересного в городке не было: школа, больница, муниципалитет да небольшой перерабатывающий заводик, сырье для которого поставляли с расположенного рядом карьера. Собственно, этот заводик с карьером и отличал Утанаву от других захолустных дыр того же размаха. Пыльные улочки восторга у заезжих не вызывали, а архитектурный ансамбль города можно охарактеризовать одной фразой – двухэтажное ветхое зодчество. В этом грязном, однообразном, пропыленном пейзаже глазу зацепиться совершенно не за что.

– И здесь ты хочешь заночевать? – хмуро полюбопытствовал Пантор.

– А ты видишь другой вариант? – удивился Винсент и тут же спохватился: – Нет, ну не на улице, конечно. Тут должна быть гостиница. Раньше была.

– Ты и раньше здесь бывал?

Винс поглядел на друга покровительственно.

– Пантей, я ведь довольно много ездил. Если бы я безвылазно сидел в Веролле, как ты, меня давно бы уже нашли и расчленили.

Пантор фыркнул. Зная приятеля и его кобелиную натуру, он не сомневался, что найдется не один десяток добропорядочных граждан, у которых будет достаточно причин подвергнуть Винсента вивисекции.

– И где твоя гостиница?

– К сожалению, она не моя, – тяжело вздохнул Винсент. – Идем.

До гостиницы дошли быстро; фонари в городишке худо-бедно горели, да и тропинка, по которой направились беглецы, срезая путь, оказалась достаточно утоптанной и удобной.

За оставленный на произвол судьбы мобиль Пантор не волновался. Чтобы взломать защитное заклинание, поставленное еще лордом Мессером, пришлось бы крепко попотеть. Для этого нужен был сильный маг. А в Утанаве, как справедливо рассудил ученик Мессера, вряд ли мог найтись грамотный волшебник. Максимум какой-нибудь местный знахарь, для которого снимать защиту с мобиля будет в диковинку. Да и не нужно это ему.

Обшарпанное двухэтажное сооружение с вывеской «Падающая звезда» назвать гостиницей язык повернулся бы разве что у Винса. Хотя вывески «отель» и «бар» здесь имелись. Но на бар заведение походило больше, чем на отель.

Грязные стены темнели влажными разводами, о происхождении которых нетрудно было догадаться по запаху. У входа стояли какие-то проходимцы, вдвоем прижимая к стене одну девицу. Впрочем, все трое пьяны, да и девица, кажется, не сопротивлялась. В сторонке в луже валялся еще один клиент питейного заведения. Этот был пьян в такой хлам, что вполне мог быть той самой «упавшей звездой», что дала название ночлежке. Девица, что терлась у входа с двумя мужиками, пронзительно рассмеялась. Пантор брезгливо поморщился. «Гостиница» ему не нравилась, но особенного выбора не было.

Винсент перехватил недовольный взгляд друга, подбодрил:

– Внутри все значительно лучше.

Внутри было по крайней мере чуть светлее и чуть чище. Большая часть мест в баре оказалась свободна. Посетители сидели только за двумя угловыми столами, облюбованными, видимо, уже давно. Во всяком случае, те трое завсегдатаев, что мирно спали, уронив головы на грязные доски стола, явно сидели здесь уже давно. Бармен оказался весьма предупреди-

тельным. Завидев новых посетителей, тотчас же метнулся к ним. Проворный и улыбчивый. В белом фартучке, несмотря на окружающий свиарник.

– Что господа изволят? – склонив голову, спросил он.

– Господа изволят комнату на ночь, а еще выпить и закусить, – начал Винсент.

– Погоди, – одернул его Пантор.

Винс непонимающе покосился на приятеля. На лице его крупными буквами было написано: «Ну и какого рожна мы сюда приперлись, если не пить, есть и спать?»

– Скажите – ка, – обратился ученик мага к бармену, игнорируя красноречивые взгляды своего спутника, – а есть в вашем городе мастерская мобильных?

– Как такового сервиса нет, но... Вас интересует механика или магия, господин? – полюбопытствовал бармен.

– Его интересует механика, – вклинился Винсент. – А меня пиво и жареная колбаса.

Бармен мгновенно сделал пометку в блокноте, не прерывая при этом беседы с Пантором.

– Механика, господин?

– По всей вероятности, – кивнул Пантор.

– С механикой вам сможет помочь Джобс. Выйдите на улицу, повернете направо. Через два квартала увидите мастерскую Джобса. Так и называется. Вообще он занимается другими механизмами, но руки у старика правильным концом приставлены, так что, думаю, и с мобилем поможет. Да, и учтите, старик будет бурчать и вести себя как враг человечества, но он только на словах вредный, а в душе пампюска.

– Спасибо, – кивнул Пантор, едва сдерживаясь, что бы не расхохотаться над этой «пампюской».

– Сколько пива? – повернулся бармен к Винсенту.

– Тащи пока пару, а там разберемся.

Бармен улыбнулся. Белоснежный фартук его крутанулся на сто восемьдесят, и уже через секунду он был за стойкой.

– Не резво ты с двух кружек начал?

– Я думал, ты мне компанию составишь.

– Я тоже думал, что ты со мной прогуляешься.

– Чего я в твоей мастерской не видел. Я лучше здесь подожду.

Юный маг с подозрением поглядел на приятеля.

– Ладно, – согласился он наконец. – Только ограничься пивом. Чтоб без девочек, драк и прочего. Сидишь здесь и ждешь меня.

– Сиж и жду, – заверил Винсент. Физиономия его сделалась совершенно ангельской.

Ученик мага направился к выходу. Винсент смотрел ему вслед преданными, как у собаки, глазами. Впрочем, недолго. Когда в дверях Пантор обернулся, Винсу было уже не до него. Бармен составлял на стол перед рыжим запотевшие кружки с пенными шапками и черную от нагара сковороду с колбасой.

12

Ниро был не просто зол и расстроен. Его распирали ярость и отчаяние. Три часа беготни и все ради чего! Бюрократы несчастные. Он вышел из здания охраны вокзала и вдохнул полной грудью. Свежий воздух не принес облегчения. Пристава трясло. Рядом в трех шагах сидела полная тетка, торговала. Перед ней стоял мешок с орехами, из него торчала ручка совка. Ниро подошел к торговке, молча протянул деньги. Говорить сейчас не хотелось ни с кем. Ничего хорошего сказать он все равно был не в состоянии, а говорить то, о чем потом можно пожалеть, не стоило.

Тетка мгновенно смела плату. Толстые проворные пальцы свернули из куска газетной бумаги кулек. Совок с хрустом вошел в кучу орехов, что заполняли мешок на добрую половину. Через секунду вынырнул полный, с горкой. Орехи звонко посыпались в кулек. Пристав кивнул с благодарностью, забрал покупку и, лузгая орехи, поплелся к платформам, через которые можно было попасть в сам вокзал, а оттуда в город. Орехи щелкали на зубах в такт мыслям в голове.

Щелк. Начальник охраны, конечно, сволочь. Еще накапает на него, чего доброго.

Щелк! Не, не станет этот жирный кабан на пристава жалобы писать. Побоится.

Щелк. Другой вопрос, чего теперь делать? Ехать следом за поездом? А толку? Все равно не успеть. Ни один мобиль не догонит паровоз.

Паровоз катит по прямой, без остановок и на большой скорости. Мобиль едет по дороге, дороги петляют, как заячий след. Плюс посты, кордоны и прочее. Да и самый скоростной мобиль с паровозом вряд ли сможет соревноваться.

Щелк. И чего теперь? Где искать этого ученика мага? А если книга не у него, а у самого Мессера... Припрятал старый хрыч книжечку от следствия.

Щелк... Орех оказался гнилым, и Ниро с досадой сплюнул на рельсы. Он стоял на платформе и с тоской смотрел на вокзальную жизнь, когда сзади пристава окликнул смутно знакомый голос:

– Добрый вечер, господин пристав.

Ниро обернулся. Знакомость голоса тут же подтвердилась. Перед ним стоял лохотонный блондин с усиками и лучезарно улыбался.

– Это снова вы? – хмуро бросил Ниро.

– Я подумал, что вы вряд ли обратитесь ко мне сами, а потому решил еще раз попытать удачи. Не будем лукавить, карточку мою вы наверняка выкинули.

– А вот и не угадали.

Ниро запустил руку в карман и не без злорадства выудил кусок картона, который и в самом деле едва не выбросил.

– Удивлен, – честно признался Санчес, и вправду выглядевший изумленным. – Как бы то ни было, я решил снова предложить вам сотрудничество.

– Вас выперли в дверь, вы лезете в окно?

Настроение у пристава было мрачным, его так и подмывало на кого-нибудь сорваться. А несчастный журналист, осознанно или неосознанно, нарывался на неприятности.

– Думайте что угодно, – отмахнулся блондин. – Мне все равно. Я ведь знаю все о вашем незавидном положении.

– Да ну? – ядовито усмехнулся Ниро. – Утром вы ко мне подходили с другим настроением.

– Утром я к вам подходил как к успешному приставу с хорошим стажем и самыми радужными рекомендациями. Сейчас я к вам подхожу как к человеку, все еще находящемуся на должности пристава, но при этом балансирующему на краю полного краха. Я подхожу к

вам как к человеку, на благополучие которого ни один из тех, кто еще вчера его рекомендовал, не поставит и фальшивой монетки самого мелкого достоинства.

Ниро скрежетнул зубами. Пусть журналист и прав, пусть завтра пристава самого отправят на острова. Пусть уже сегодня его положение рушится, как карточный домик на ветру, но свободы его никто пока не лишил, и кулаки у него на месте. Так что прав этот журналюжка или нет, а в челюсть схлопотать ему никто не помешает.

– Вы, господин журналист, ведете себя непорядочно.

– А я и не претендую, – пожал плечами блондин. – Это приставу надо быть честью и совестью Консорциума, ему по должности положено. А я человек творческий, я никому не служу, стало быть, никому ничем не обязан.

Ниро подавил желание двинуть журналисту в ухо и, стараясь держаться безразлично-независимо, снова защелкал орехами.

– Так если у меня все так плохо, зачем я вам сдался? Найдите себе другого «успешного с радужным стажем и хорошими рекомендациями».

– Вы мне интересны, – безапелляционно заявил журналист. – Кроме того, для моего расследования важна сама работа, методы, приемы. А успешно или не успешно они работают – не важно. Я собираю материал, потом слеблю из него все что угодно.

– Кому угодно?

– В первую очередь мне. А вы думали, я под кого-то подстраиваюсь? Нет, подстраиваюсь, конечно, но это потом. Сперва моя задумка обретает скелет, потом я его маскирую мясом, угодным публике, редакции и власти. Потом получившегося гомункула пудрю и принаряжаю. Встречают-то по одежке.

– Думаете, за этой одежкой и мясом кто-то разглядит ваш скелет? – заинтересовался Ниро.

– Кому надо, тот разглядит. Остальные нужны для массовки. Они делают тираж, прибыль издателя и, следовательно, мой гонорар.

– Циник, – сплюнул шелуху пристав.

– Издержки профессии, – пожал плечами Санчес. – Так вы позволите мне принять участие в вашей работе?

Ниро смутился, нахмурил брови, припомнив последний разговор с Дерансом.

– Боюсь, вам это не понравится, господин борзописец.

– Ой, ладно вам, – отмахнулся журналист. – Что мне может не понравиться? То, что ваше начальство оставило вам только жетон, пистоль и удостоверение пристава, не выделив даже служебного транспорта? То, что вы работаете в одиночку, и не потому, что так привыкли, а потому что вам не дали даже пары глупых полисменов?

– Откуда вы знаете? – напрягся Ниро.

– У меня свои источники информации.

– И полное отсутствие совести, – проворчал пристав.

– Зато мой мобиль припаркован по ту сторону вокзала, и я готов везти вас, куда скажете. Заодно могу поделиться некоторыми мыслями по делу, которое вы теперь ведете. Ну что? Готовы сотрудничать с бесчестным борзописцем?

13

Мастерскую Джобса Пантор нашел довольно быстро. Как и объяснил бармен, она находилась в двух кварталах от постоянного двора. Сам Джобс, унылый седой верзила, с вечно нахмуренным, судя по глубоким морщинам, лицом, позднему посетителю не шибко обрадовался.

- Чего надоть? – цыкнул долговязый.
- Мне сказали, что вы можете помочь с ремонтом.
- С ремонтом чего?
- У нас мобиль сломался.

Джобс окинул ученика мага недовольным взглядом.

- В движителях не разбираюсь, – выдавил он.

– Плачу наличными, – отозвался Пантор.

- Магией не занимаюсь.

«Я занимаюсь», – крутанулось на языке, но ученик мага вовремя его прикусил.

- И не надо, – улыбнулся он. – Проблемы с механикой.

– Ты механик, что ли? – проворчал долговязый. – Тогда я тебе на кой?

- Извините, – стушевался Пантор.

Старик еще покочевряжился приличия ради. Идти куда-то на ночь глядя ему явно не хотелось, но и отказываться от заработка Джобс не собирался, потому, попрепиравшись для приличия, мастеровой все же натянул куртку и вышел из дома.

- Мобиль, надеюсь, рядом, – недовольно пробурчал он.

– Почти, – уклончиво ответил Пантор.

– Почти, – проворчал старик. – Надо с вас за каждые пройденные сто шагов денег брать. Веди.

Это было последнее, что сказал механик. Потому как далее мастер замолк и за все время пути так и не проронил ни слова. Пантор тоже топал молча. Говорить с незнакомыми людьми у него практически никогда не получалось. Он просто не знал, о чем говорить. Да и как говорить, когда человек незнакомый? Точек соприкосновения-то нет.

Мастер Джобс снова подал голос, только когда они уже вышли на дорогу.

- Это он? – кивнул механик вперед, указывая на брошенный у дороги мобиль.

Пантор мотнул головой.

- Хочешь быть модным, парень, купи себе труповозку поновей.

Возле машины старик выудил карманный фонарик. Подсветил. Выругался под нос.

- Охранные заклинания снимаем, – пробурчал старик.

Не успел Пантор вырубить заклинание, как ему в руки ткнулся фонарик.

- Посвети, – буркнул Джобс и нырнул под капот.

Что-то звякнуло. Раз, другой. Из-под капота послышалась сдавленная ругань. Что делал там мастер, понять было невозможно, но удовольствия ему это явно не доставляло.

- Ну что? – выжидательно спросил Пантор, когда Джобс вынырнул наружу.

– Дело сурьезное, – цыкнул зубом старик. – Работы много. Надо кой-чего прикупить, тогда все сделаю.

- Когда купите?

– Может, завтра, если вовремя доставят. Крайний срок – через день. Ну, и ремонта дня на два.

Пантор нахмурился. Торчать в этом городишке еще три-четыре дня не хотелось. В-первых, это отдаляло их от цели, во-вторых, было небезопасно. Но и выхода другого не имелось.

– Хорошо, – кивнул Пантор. – А с мобилем что делать? Здесь оставим?
Джобс окинул аппарат взглядом. Цыкнул.

– В мастерскую заберу. Ща лошадку подгоню, запрягу и того... Все в порядке будет.
Так что задаток давай и заходи на четвертый день.

Пантор залез в сумку, вынул кошель, рассчитался со стариком. Собирался уже было уйти, но спохватился. Поспешно залез в салон мобиля, подхватил с заднего сиденья книгу Мессера и припрятал в сумку. Оставлять такие вещи без присмотра нельзя, хотя и с собой таскать не стоило бы.

14

– Это все потому, что вы привыкли работать на своем месте. По протоколу, уставу, инструкции. Вы идете как паровоз по накатанным рельсам. Если на рельсах что-то лежит или если они внезапно исчезают, у вас начинается паника. А меня кормят ноги. Сколько набегая, столько заработаю. Так что моя работа, если угодно, подобна езде на мобиле. И там, где появляется препятствие, я сворачиваю. Там, где кончается дорога, я проеду по бездорожью. Это профессиональное. И это не потому, что я больно лучше вас. Просто я привык действовать иначе.

Санчес остановился возле нового, сверкающего мобиля. Дорогого и, судя по обтекаемости форм и линий, весьма быстрого. Журналист отпер аппарат и приглашающе кивнул приставу, садитесь, мол.

– Хотите сказать, что я косный? – Ниро влез на сиденье, поерзал, усаживаясь удобнее.

– Не вы, – покачал головой Санчес.

Он захлопнул дверцу, завел мобиль, активизируя магическое нутро движителя, запускающего хитрый механизм. Аппарат тронулся, описал полукруг вдоль вокзала и, выкатившись на дорогу, стал набирать скорость.

– Не вы, – повторил журналист. – Система. А вы просто в ней работаете. Вы привыкли. Вы не виноваты. Да и система не виновата. Более того, она не плоха.

Ниро скосил на журналиста проницательный взгляд охотничьей собаки, у которой перед носом помахали лисьим воротником. Запах был тот самый, хвост тоже, но что-то было не так.

– Да-да, – журналист растянул губы в тонкой ироничной улыбке. – Не смотрите на меня как на провокатора. Мы живем в стране с правительством и государственной системой. Только система эта дерьмовая. Хотя это не отмечает тот факт, что дерьмовая система лучше, чем полное ее отсутствие. Равно как и факт, что в других известных нам государствах все тоже дерьмово. Просто там свои проблемы и во власти, и в народе, а у нас свои.

– Вы не боитесь, что я вас арестую за такие речи?

– Нисколько, – покачал головой блондин. – Я не против власти и Консорциума. А искать ложку дегтя в бочке с повидлом – моя работа. Так что не тратьте время на пустые угрозы. Тем более что это не в ваших интересах. Да и сами вы сейчас страдаете от системы и ее неповоротливости.

– Я не страдаю, – насупился Ниро.

«Если я оказываюсь в неприятном положении, то виновата не система и не Консорциум. Виноват я сам. Не справился со своей работой. Видимо, косность, о которой говорил Санчес, и вправду имеет место. Но власти ОТК здесь совсем ни при чем».

Впрочем, этой мыслью пристав делиться с навязавшимся попутчиком не стал.

– Вы что-то хотели сказать по делу, – напомнил он, меняя тему.

– Я и говорю по делу, – оживился журналист. – Вас подставило ваше начальство. Чтобы выкрутиться, вам надо найти некий запрещенный законом предмет. Назовем это так, чтобы вы не слишком смущались. Вы хотели трясти заключенного, чтобы узнать у него что-то об этом предмете.

Ниро принял скучающий вид, хотя внутри от каждой фразы журналиста все больше и больше вскипало негодование.

– С чего вы взяли? – небрежно спросил он.

– А где я вас нашел? На вокзале. Только не говорите, что приехали сюда провожать дальнюю родственницу. Не поверю. Вы искали здесь встречи с неким магом Мессером. Теперь думали ехать в Кориали, перехватить его в порту. Нет?

– А разве мы не едем в Кориали? – встрепнулся Ниро, который почему-то сразу решил, что они собрались догонять паровоз с заключенными.

– Я же говорю, что вы косны и предсказуемы, как плохой клоун с не меняющимся двадцать лет репертуаром, – усмехнулся журналист. – Нет, мы не едем за вашим Мессером. Мы едем на север.

От такой констатации пристав почувствовал себя чем-то сродни багажу. От этого сравнения Ниро разозлился окончательно.

– Остановите, – потребовал он.

Санчес послушно притормозил и сдал к обочине.

– Ваша гордость мешает вам мыслить даже с чужой помощью. Эмоции для вашей профессии весьма губительны, включите разум, и давайте думать о деле.

– Хорошо, – скрежетнул зубами Ниро. – Почему на север?

Мобиль снова тронулся, хотя пристав и не давал своего согласия ехать дальше. Санчес опять был бодр и весел.

– Давайте учиться думать вместе. Вы ведь не с потолка взяли, что книга... простите, запрещенный законом предмет попал в руки к ученику мага?

Ниро кивнул. Следов, кроме следов Мессера и его ученика, в мастерской не нашли. Значит, либо Мессер, либо Пантор. Мессера уже не догнать. Да и с ним книги не было. Разве что передал кому-то. Но кому он мог ее передать, кроме ученика, если с другими магами он не контактировал, а не-магу такая вещь дома не нужна? В любом случае, этим можно заняться позже.

Остается мальчишка. Правда, об этом никто посторонний знать не мог. Хотя этот проныра мог пролезть и в материалы дела.

– Не с потолка, – подтвердил пристав.

– Прекрасно. Мальчишка пропал.

– Вы и это знаете?

– Я, как бог, знаю все, считайте это издержкой производства.

– Тогда где книга? – вставил шпильку Ниро.

– Почти все, – поправился Санчес. – Не буквоедствуйте, вам не идет. Размышляем дальше. Если мальчишка исчез, значит, он подался в бега.

– Его могли похитить, – не согласился Ниро. – Он мог быть убит, как и Мессер.

Санчес покачал головой.

– Давайте основываться на фактах и материалах дела, а не на ваших фантазиях, которые вы включаете исключительно для того, чтобы со мной поспорить. При известных обстоятельствах логично предположить, что мальчишка бежал, прихватив книгу. По договоренности с Мессером либо по собственному почину – сейчас не важно. И бежал он вместе с запрещенным законом предметом. Куда?

– Куда угодно, – фыркнул Ниро.

Санчес дал по тормозам. Мобиль резко остановился. Журналист поглядел на пристава.

– Господин пристав, это вы могли бежать куда угодно и попасться через пару часов.

А маг с запрещенным законом предметом на руках с вероятностью в девяносто девять процентов побежит на север. Это единственная возможность уйти из ОТК и от правосудия.

Ниро надулся. Журналист позволял себе чересчур много. С другой стороны, делал он это так легко и откровенно, что обижаться было сложно.

– Но один процент остается, – напомнил он злорадно.

– Конечно, – кивнул Санчес. – Один процент остается на то, что ученик мага – дурень. Но мы не будем делать на это ставку. Мессер был весьма серьезным магом и далеко не глупым человеком, я навел справки. Так вот, этот человек не стал бы брать себе в ученики идиота.

Ниро стиснул челюсти. Журналист, в отличие от начальника охраны вокзала, был весьма действенным и полезным, потому угрожать ему не хотелось. Правда, возникало желание дать в ухо, но это лишь подтвердило бы неправоту пристава. Потому он глотал колкости и ждал, когда появится возможность умыть борзописца в ответ на словах.

– Тогда чего мы стоим, ждем? – поинтересовался Ниро.

– Ваших распоряжений, господин пристав.

– Ну так езжайте, – распорядился Ниро.

15

На поход к Джобсу и показ мастеру мобиль ушло не больше часа. За этот час Пантор порядком устал и проголодался, потому к «Падающей звезде» он подходил с одним только желанием – поужинать. А потом спать. Долго. Все равно ведь в ближайшие дни заняться нечем.

Интересно, Винсент догадался заказать ему что-то поесть? Было бы здорово войти и сразу получить тарелку с ужином, а не ждать, пока приготовят.

С этой мыслью Пантор толкнул дверь и замер.

И было от чего!

В зале находилось человек пятнадцать, не считая бармена. К слову сказать, бармен единственный выглядел спокойным и умиротворенным. Остальные были весьма напряжены, словно собаки, готовые в любой момент сорваться с цепи и вгрызться друг другу в глотку.

По одну сторону находилось озверелое и жаждущее крови незнакомое большинство. По другую стоял храбрый Винсент и два каких-то парня с настолько одинаковыми лицами, что, казалось, одного поставили рядом с зеркалом. Отличить близнецов можно было разве что по одежде.

Между противоборствующими сторонами замерли две насмерть перепуганные девушки. Молодые. Красивые. Такие вполне могли заинтересовать Винсента, а там слово за слово...

На оценку этой немой сцены ушла секунда.

За спиной Пантора грохнула отпущенная дверь. Ученик мага вздрогнул. Напряжение в зале не спало. Оно переключилось на него. Пятнадцать пар глаз уставились теперь на вошедшего.

– Привет, Пантюша, – нарочито бодро приветствовал Винсент. – Скучал без меня?

Ответить Пантор не успел, ничего не значащая реплика приятеля сработала как запускающее заклинание. Мужик, что стоял к Пантору ближе других, налился кровью и прохрипел сквозь зубы:

– Так ты тоже к нашим девкам приставать пришел? Мужики, бей пришлых!

И он рванул на Пантора.

Если какие-то мысли об ужине еще и оставались, то через мгновение их смело начисто.

Мужик пронесся рядом, как сверхмощный мобиль. Пантор отшатнулся в сторону. Кулак противника просвистел мимо самого уха, едва зацепив мочку. Если бы ученик мага не отступил и удар пришелся куда планировалось, Пантор уже валялся бы на полу, но ему повезло. Противник был крупным, но неповоротливым, и выпитое явно не добавляло мужику прыти. Пролетев мимо, он не успел затормозить, не рассчитав сил, грянулся о стену и безвольно сполз на пол.

Ученик мага отпрыгнул в сторону, крутанулся волчком, оглядывая пространство зала. Винсент отчаянно отбивался от наседавшего на него мужика. Двое парней, что почему-то поддерживали Винса, дрались рядом. Несмотря на скромные габариты, силы в молодых людях было немерено. Один из них с легкостью подхватил огромный дубовый стол и запустил в двоих крепких мужиков, напавших на второго. Стол пролетел несколько шагов, ударил нападавших в грудь. Вместе со столом оба мужика с грохотом повалились на пол. Дальше Пантор смотреть не стал, потому как его противник, еще больше разъярившись из-за неудачи, поднимался на ноги. Глаза мужика налились красным.

– Трус, – зло сплюнул громила. – Дерись как мужчина.

Пантор представил себе эту драку. Ну да, продлится она ровно до первого удара, который до него дотянется. Мужик широко размахнулся и выкинул вперед руку с огромным кулачищем, что был размером не меньше головы Пантора.

Ученик мага отпрянул, снова отшатнулся, уходя от второго удара. С ужасом понял, что дыхание уже сбито. Еще несколько раз он так увернется, а потом... В груди затрепетало, страх липкой холодной струйкой пробежал по спине. Он не успел понять, как это произошло. Все случилось само собой, неосознанно, на рефлексх, которым вроде бы неоткуда было взяться. Рука сама пошла вверх. Пальцы закололо, словно схватил обозленного ежа.

Мужик замер с раскрытым ртом, руки его опустились. В глазах дрогнул страх.

Пантор прошлепал губами слово, не имеющее смысла в том языке, на котором говорили в ОТК. Противник отступил в ужасе. На кончиках пальцев Пантора искрился небольшой, словно сотканный из переплетенных молний, шар. Колыхался, сохраняя размер, хотя готов был, казалось, в любой момент вырасти и, сорвавшись с руки мага, полететь вперед. Мужик открыл рот, сию секунду сказать что-то, но только беспомощно булькнул. Пантор и сам был напуган тем, что произошло, потому лишь стоял молча, покачиваясь, и мрачно смотрел на врага.

– Мужики, это маги, – просипел громила. – Валим отсюда.

Молодой человек перевел взгляд на затихающую драку. Один из одинаковых с лица юношей, швырнул вслед отступающим стул. Только теперь Пантор отметил, что парень не коснулся деревяшки. Стул взмыл в воздух и полетел вдогон противникам сам собой, это только казалось, что парень взял его в руку за ножку. На самом деле до ножки он не дотронулся.

Выходит, эти двое тоже маги!

Стул грохнулся на пол. Противники спешно уходили из бара, оставляя зал пустым. Девушки, из-за которых, судя по всему, разгорелся весь сыр-бор, куда-то делись. Винсент стоял, тяжело дыша. Рубаха была порвана, губа рассечена, по подбородку бежала струйка крови. Под правым глазом расплывался синяк.

Только бармен по-прежнему сохранял спокойствие.

Хлопнула дверь, закрывшись за последним громилой. Пантор выдохнул и опустил руку. Молнии сами собой испарились, растворяясь в воздухе. Руку жгло и покалывало с непривычки.

– А ты силен, Пантюха, – подошел к нему Винсент. – Эдак запросто магией...

– Я ей не воспользовался, – ответил Пантор.

Голос сорвался на хрип. Опасность отступила, а вместе с ней и невесть откуда взявшаяся решимость. Его трясло.

– Я ей не воспользовался, – повторил Пантор, будто убеждая самого себя.

– Слава богам, – отозвался один из одинаковых с виду молодых магов. – А то бы сюда уже набежали представители власти.

Он подошел ближе и протянул руку, Пантор ответил на рукопожатие.

– Я Мартин, – представился маг. – А брата зовут Лорка.

Он обернулся к своему брату-близнецу, тот сидел на полу возле дверей и разглядывал магическую книгу. Пантор вздрогнул. В горячке драки он и не заметил, как обронил книгу, прихваченную из мастерской Мессера.

Лорка поймал на себе чужое внимание, поднялся с пола и подошел, крепко держа находку. На Пантора он поглядел с лукавой ухмылкой.

– Я смотрю, «неординарная» магия для тебя не в новинку.

– Не понимаю, о чем вы, – выдохнул Пантор.

Ситуация складывалась препаршивая. Признать, что книга его, значило объявить себя вне закона. Сказать, что это не он обронил и вообще в первый раз видит предмет, было бы разумно. Но тогда книга Мессера потерялась бы для него навсегда.

Пантор перевел взгляд с улыбающегося Лорки на Мартина, который скалился теперь, словно отражение брата. Взгляд побежал дальше, уткнулся в Винсента. Тот пожал плечами:

– А я чего?

– Чего? – рыкнул Пантор, чувствуя, что нашел, на ком сорвать зло.

– Я вообще ничего, – принялся оправдываться Винс. – Они сели, говорят: «давай выпьем». А мне что, отказываться? Да вот еще! Выпили, стали говорить.

– Конечно, – фыркнул Пантор.

– А тут еще и девчонки за соседним столиком. Ну, мы и поспорили на пинту пива, что я с ними познакомлюсь.

Пантор повернулся к магам-близнецам. Мартин кивнул.

– Не врет. Так и было.

– Познакомился? – хмуро поинтересовался ученик Мессера.

– А как же! – расплылся в самодовольной улыбке рыжий приятель. – Они уже наши были со всеми потрохами. Я уж и комнату заказал, и... И тут эти нарисовались. А следом и ты прибежал со своей «неординарной» магией.

– Заткнись, – прошипел сквозь зубы Пантор.

– Да ладно, – хлопнул его по плечу Мартин. – Не в столице. Здесь магов уважают и боятся.

– Я видел. – Пантора отчего-то потянуло на ядовитые замечания. – Особенно уважают. Так и норовят по башке настучать. От большого уважения.

Винсент поднял стул и присел за столик. Лорка плюхнулся рядом с рыжим.

– По башке здесь все друг другу настучать норовят, – вклинился он в разговор. – Это потому что жизнь скучная. Всех развлечений – нажраться и подраться. А уважение есть. Это ты зря. Вот ты засветился с магией, а стучать на тебя никто не побежит. У нас это не принято. Вот если б запустил заклинание и засветился бы для магов из отдела контроля, тогда да. Хотя они тут тоже сквозь пальцы на все смотрят.

– Это правда, – кивнул Мартин. – Возле Вероллы построже. В столице вообще сплошные доносчики. А чем дальше от столицы, тем свободнее. Мы потому здесь и осели, что можно значительно больше и без лицензии. А если с лицензией, так и вообще почти все что угодно. Садись, в ногах правды нет.

Пантор подошел к столу и бессильно рухнул на стул, понимая, что в ногах нет не только правды, но и сил не осталось. Рядом уселся Мартин.

Подбежал бармен, верткий и пронырливый, как скользкая рыба. Быстро смел со стола остатки бывшего пиршества, что устроили другие клиенты. На беглый взгляд Пантора среагировал мгновенным:

– Чего изволите?

– Мяса, – буркнул ученик мага, чувствуя собачий голод. – А еще свежих овощей, сыра и вина.

Бармен кивнул и подпихнул бумажку.

– Это довесок к счету, – пояснил он. – За разбитую посуду и поломанную мебель.

Пантор скопился на счет и пришел в искреннее удивление.

– Это все?

– Остальное за счет ушедших, – пояснил бармен и смущенно добавил: – Их я знаю, они заплатят. А вы чужаки, так что давайте сразу. Мало ли...

16

Заведение, в котором их застала ночь, стояло прямо у дороги и называлось «Вдали от жен». Название говорило само за себя. Санчеса оно раззадорило на ухмылки и сальные шуточки, Ниро же крепко напрягся. И хотя жене вдали от нее он был так же верен, как и находясь рядом с ней, само пребывание в подобном заведении выводило из состояния равновесия.

Между тем заведение оказалось вполне приличным. Номера вылизаны до блеска, обстановка вполне достойная. Даже утренние газеты лежали на журнальном столике уже с вечера. Ниро прошел в номер и первым делом засел именно за прессу. Поверх увесистой стопки покоились популярнейшие в ОТК «Огни Вероллы». На первой полосе красовалось новое разоблачение от Санчеса О'Гира. Ниро поморщился, отбросил газету.

– Как это у вас получается? – полюбопытствовал он.

Санчес поглядел на спутника с удивлением. Мало того что тот отвлек от изучения непомерно здоровой кровати, что занимала большую часть комнаты, так еще и беспричинно отвлек.

– Вы о чем?

– Об этом, – пристав потрепал газету. – Вас же в городе нет. Откуда свежий материал?

– Нашли о чем заботиться, – отмахнулся журналист. – Я обеспечил редакцию своими свежими материалами на полгода вперед.

– А как же актуальность? – подивился пристав. – Не теряется?

– Актуальность чего-то бойкого не потеряется в нашем болоте и через два года, – объяснил Санчес. – А я даю интересный материал. Жесткий, яркий, можно сказать революционный.

Журналист плюхнулся на кровать прямо поверх шелкового покрывала. Не снимая ботинок.

– Вы, значит, революционер? – брезгливо поглядел на ботинки журналиста Ниро.

– Что вы, революционером в наши дни быть опасно. Нет, я скорее шут. А шуту разрешено говорить правду. Грань дозволенного, пристав, грань дозволенного.

– А вы знаете, что это такое? – Ниро все так же сверлил взглядом грязные журналистские башмаки на свежестеленной кровати, и их вид не вызывал у него ничего, кроме раздражения.

– Бросьте, – вполне серьезно сказал Санчес. – Я работаю на грани, но я никогда не переступаю ее. Я знаю, за что меня любят, я знаю, за что меня терпят. Знаю черту, за которой терпение лопается, и никогда ее не переступлю. Любой эпатаж должен иметь свои границы. И никакой эпатаж не стоит того, чтобы я рисковал ради него своей шкурой.

– А как же идеи? Идеалы? Ценности, наконец?

– Идеалы и идеи – такой же товар, как и все прочее. – Журналист повернулся набок, подпер щеку ладонью и отключил бедро, умышленно или нет, но напоминая девушку легкого поведения. – Главное – правильно преподнести и подороже продать, ну или продаться. Нет, бывают искренние, которые свои идеалы пихают в то, что пишется в угоду тенденциям, власти, цензуре, читателю. Но даже если они двигают светлую идею, она все равно работает на систему. А если она идет вразрез с системой, то система его уничтожает. Лояльный автор – почет и стабильная работа, революционер – ссылка и нищета.

– Слышали бы вас сейчас ваши читатели.

– Плевать я хотел на этих читателей, – фыркнул Санчес. – Пока мои статьи – товар, и товар продающийся, мне начхать на каждого гребаного покупателя. Где сердитое бурчание, там скандал, а любой скандал привлекает внимание.

Ниро безгласно поморщился. Он всегда подозревал, что журналисты – люди без чести и совести, но чтобы настолько...

– Но есть для вас хоть что-то святое?

– Конечно, – ухмыльнулся Санчес. – Тот, кто меня продает. Тот, кто меня печатает. Без них я – никто. А те, которые читают... да им все что угодно впарить можно. Если я начну писать про то, как с неба спустились боги и устроили потасовку в городском парке, это будут читать. Найдутся, конечно, те, кто возмутится, но и они прочитают. Если я начну писать с нарочитыми ошибками, куча борцов за чистоту языка предаст меня анафеме, а еще куча кретинов станут подражать моему гениальному слогу. И при этом те и другие будут меня читать. Они никуда не денутся, покуда мой редактор предлагает им к завтраку меня под кофе, овсянку и жареные яйца. Да если я открыто назову их всех идиотами с первой полосы, они все равно будут меня читать. Более того, большая часть их примет это с восторгом.

– Почему?

– Потому что они идиоты, – пожал плечами Санчес.

– Но ведь должно же быть уважение к читателю? – не выдержал Ниро.

– Уважение к читателю быть должно. Уважение к читателю есть, – загрустил вдруг Санчес. – Читателей вот только нет почти.

– Да, – фыркнул пристав. – Похоже, вы забыли, какой тираж у вашей газеты?

Санчес посмотрел на пристава с возросшим удивлением.

– Господин Ниро, вы вправду считаете, что любой, кто научился складывать буквы в слоги и слова, – читатель?

– А разве нет? – сгоряча ляпнул пристав.

– Складывать буквы в слова умеет любой гимназист. Но это умение не имеет ничего общего с умением понимать написанное. Я уж не говорю о том, чтобы читать между строк. Для этого нужны культура, образование, воспитание, наконец. А «Огни Вероллы» покупают все, вне зависимости и умения думать.

Пристав обиженно отвернулся от журнального столика и мысленно поклялся больше никогда не покупать паршивую газетенку. Впрочем, здесь ему предлагали эту желтую прессу совершенно бесплатно.

Поразмыслив, Ниро подцепил «Огни Вероллы», думая, что заснет под пару-тройку глупых статей.

– Бинго! – радостно возвестил журналист.

Пристав отдернул руку, роняя газету, и поглядел на журналюгу, ища подвоха.

– Я победил, – довольный собой, поведал Санчес.

– Я с вами не соревновался.

– Не врите, – покачал головой журналюга. – Ваши душевные терзания были оттиснуты у вас на лбу крупным шрифтом. И их итог я наблюдаю сейчас. Так что вы спите на диване.

– С чего это? – возмутился пристав.

– С того, что вы проиграли со своей моралью, когда взяли в руки газету с моей статьей. Кроме того, кто-то должен спать на диване. Или вы хотите делить со мной койку этой ночью?

– Идите знаете куда?! – разъярился Ниро.

– Знаю, – лучезарно улыбнулся журналист. – Я на койку, а вы – на диван. Спокойной ночи, господин пристав.

– Наглец, – сказал Ниро только для того, чтобы хоть что-то сказать, оставить последнее слово за собой.

17

Вино возымело странный эффект. Винсент, смешавший с вином пиво, отключился и теперь мирно похрапывал, откинувшись на спинку стула и запрокинув рыжую голову. Пантор сидел мрачнее тучи. При одной мысли о том, что чуть было не воспользовался боевой магией, на душе становилось паршиво. Нет, Мессера, как и других, преступивших закон, он не осуждал. Не было у него такого морального права. Но сам старался всегда жить по закону. А тут... Как могло случиться, что он так легко едва не нарушил закон? Ведь он уже был готов. Еще секунда и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.